

An illustration of two angels in a dramatic, intimate pose. The angel on the left is a man with long, straight brown hair, wearing a dark blue, sleeveless tunic. He has large, dark blue wings and is holding a glowing sword. The angel on the right is a woman with long, flowing blonde hair, wearing a white and gold ornate dress. She has large, white and blue wings. They are looking at each other closely, with a soft glow between them. The background is dark and atmospheric, with a bright light source behind them.

Владимир Клепилин

Последняя надежда

Серия: Хроники Тродаса

Хроники Тродаса

Владимир Клепилин
Последняя надежда

«Accent Graphics communications»

2016

Клепилин В.

Последняя надежда / В. Клепилин — «Accent Graphics communications», 2016 — (Хроники Тродаса)

Пути судьбы неисповедимы, и никто не знает, что случится завтра. Расы перворожденных не задумывались о будущем и тщетно пытались отстраниться от мирских дел. Человечество яростно пыталось выжить в диком, безумном мире. Что предпримут высшие силы для спасения всего мироздания? Что послужит конечной отправной точкой в выборе целей? На реке жизни много подводных камней, мешающих свободному плаванию, и горе тем, кто отступит от общемирового закона, стоящего на незыблемых плитах сострадания. Вам предстоит погрузиться в страшный мир страданий, и понять, что же для вас важнее – долг перед Родиной или сила любви к ближнему? Что движет нашими жизнями – стремление жить, ради будущего или умирать, ради прошлого?! Сможете ли вы предать свои принципы и ступить на шаткую тропу сомнений? Кем вы станете, если будете бороться – жертвой или героем? И в конечном итоге сможете ответить на вопрос: на что вы готовы пойти, ради достижения своих целей, таких разных и ужасающе безумных. Откройте для себя новые миры и погрузитесь в деяния прошлых эпох, отраженных в завтрашнем дне.

© Клепилин В., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Глава 1. Илат	5
Глава 2. Орис и Сумеречная зона	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Клепилин

Последняя надежда

Глава 1. Илат

Из обугленных ям взлетали сполохи огня, закрывая небо темными изгибами сажи. Редкие лучи солнца достигали осыпавшегося пепла. Было несказанно страшно смотреть на это бесчинство стихии, разбушевавшейся у притока Брагоса. Неопытному взгляду сложно было определить причину возникшего бедствия, из-за сгустившихся грозowych туч, не свойственных данному времени года. Дикий зверь смотрел со склона кургана, и в его глазах таился первоуродный страх. На дороге стоял воин, мрачно глядя вдаль своим потускневшим взглядом. Дарвал проклинал судьбу за лютую зиму и, стоя в оледеневших доспехах, слезы текли по его изборожденному морщинами лицу. Его жизнь была полна страданий и лишений, долгие годы он исправно служил стране, неся тяжелую службу на рубежах империи. Его тело тряслось от холода, от гнева и боли, лютой боли одиночества и страха. Нет, он не боялся смерти, он боялся грядущего. Огонь испепелил целый город, уничтожил все строения, которые мог поглотить. Внутренний жар тела, холод зимнего утра и тепло умершего города подкосили старого воина, и он упал бы, если б не две сильных руки, подхвативших его убитое горем тело. Последнее, что он помнил, как его бережно укладывают в телегу.

Очнулся Дарвал в ветхом домике и увидел старуху, которая что-то варила в маленьком котле, подвешенном над жаровней. Дурной запах исходил от того варева, что томилось под крышкой котла; голод давал о себе знать, и жутко болела голова. Память медленно возвращалась, и боль утраты вновь ударила солдата в его сердце. Упав навзничь, слезы бурным потоком обрушились на край ложа и старушка, кинув взор на пришедшего в сознание мужчину, бросилась к нему. Дарвал узнал, что его привез рослый воин и отдал в руки ведуньи, что пришел враг и уничтожает города, которые стоят у него на пути. Выпив на удивление сладкое снадобье, Дарвал уснул, и мысли его устремились к родному дому, к семейному очагу. Память тлела несгораемым видением в его сознании, тщательно подменяя реальные образы.

Тем временем, по закатной дороге, вслед за звездой, шел быстрым, но осторожным шагом воин. Его путь пролегал мимо северных гор Имралдена, вдоль устья Млазира и далее – к западным землям Тродаса. Миновав горные пики Сандара, ему встречались диковинные звери с длинным гребешком на голове и шестипалыми лапами, видом своим схожие со змееподобными винерами.

Лютовавшая у Брагоса зима сменилась прохладным ветерком илистого Млазира, и на горизонте появились милые глазу очертания земель Тродаса. Все земли ему были очень хорошо знакомы, и он ни разу не сбился с пути. Таким качествам следопыта позавидовал бы каждый в тех землях, ибо без опасения за свою жизнь уже очень давно никто так далеко не хаживал.

А началось все много лет назад, когда двенадцатилетний мальчик по имени Миларис стал оруженосцем у доблестного воина Брамаса. Золотые времена предшествовали расцвету империи Тродаса, благодаря мудрому правлению королей и элитной армии, способной передвигаться по любой местности и биться в строю без значительных потерь. Откуда появился этот народ, никто не знал. Древние хроники и летописи расходятся в описании становления этого государства. Многие века этот народ удерживал окружающие их земли от гнета враждебных государств и способствовал всеобщему спокойствию.

С давних времен было известно пророчество, гласившее о скором исходе всех мужчин, способных держать оружие: «...Наступят времена великого противостояния, когда призваны будут великие воины Тродаса на последний бой. В небе вспыхнет ярким пламенем огненный

шар, предвещающий скорый исход войска. Призваны будут легионы великим вождем, и с верой в сердце уйдут туманной дорогой, открытой шаром сферы, в Закат». Шар сферы хранился в подвалах гарнизона и мог быть активирован только на закате. Это пророчество долгие годы укрепляло сердца воинов. Но, со временем вера постепенно угасала, и настала пора полного опустошения сердец: люди не верили в пророчества, а те, кто верил, подвергались всеобщему осмеянию.

Миларис, будучи еще мальчишкой, свято верил в пророчество и много времени посвящал изучению древних трактатов и хроник, отражавших мудрость веков. Но, несмотря на тягу к знаниям, он, тем не менее, рьяно усердствовал на тренировочной площадке с мечом в руке. «Ты не станешь настоящим воином, если не отбросишь ложные знания о пророчестве», – говорил Брамас во время тренировок. Молодой боец без сомнений вступал в схватки с учителем, не отвлекаясь на безрассудное невежество своего наставника. Тем не менее, Миларис не просто подавал большие надежды как воин, но и, будучи прилежным учеником, раз за разом все более искусно одолевал других воинов на тренировочной арене.

На убывающей луне 1124 года, по летоисчислению Тродаса, Брамас послал небольшой отряд, во главе с Миларисом, в поход к рубежам империи, чтобы воочию убедиться в словах торговцев, якобы видевших странных воинов, шныряющих и выведывающих у местных жителей о жизни Тродасского государства. Слухи, возможно, были ложными, но сбрасывать со счетов происки врагов империи было бы неразумно. Тем не менее, Брамас снарядил в поход группу и включил в нее Милариса, чтобы испытать волю духа своего ученика. Смеркалось. Войско продвигалось тернистыми тропами в глухих зарослях, чтобы сократить свой путь и быть незамеченными до поры до времени. Через пять дней пути они повстречали крестьянина, который сообщил им о том, что чуть дальше на тракте видел странных соглядатаев, которые расспрашивали людей о хлебных запасах и фураже на складах деревни. Было принято решение идти в обход тракта через промозглые пустоши Кальдерона, наполненные странной живностью. Бывалые солдаты империи Тродаса морщились и сплевывали себе под ноги, когда очередное существо, покрытое слизью, выползло из норы. Никто не мог припомнить даже приблизительных названий этих тварей, потому как несметное множество порождалось пустошью ежегодно и выбрасывалось на поверхность с одной целью – пожирать! А жрали эти существа абсолютно всё, что видели: траву, изредка появлявшуюся на промерзшей земле Кальдерона; птиц, случайно залетевших полакомиться болотными ягодами; бывало даже так, что, объединившись, полчище бросалось на человека. Но, легионеры шли быстрым шагом и редкие твари, высунувшие свой нос из норы, находили упоение в быстром ударе копья воина или стрелы, выпущенной зорким глазом лучника.

Через пару дней бойцы достигли устья Млазира. Перед их взглядом раскинулась величественная река, за которой высокой стеной вздымались горы Имралдена. И тут на открытом берегу, они увидели небольшую группу людей, одетых на странный манер южных стран, и опытный взгляд солдат сразу приметил доспехи, скрытые под одеянием. Было принято решение построиться и медленным шагом двинуться к ним. Едва приметив подходивших легионеров, незнакомцы закопошились, и даже не подумали подать какой-либо знак. Тринадцать иноземных воинов располагалось на открытом месте, возможно, остальные были вне зоны видимости. Неожиданно один из пришлых выпрямился и разрядил свой арбалет в первого идущего легионера. Если бы не командир отряда, который прикрыл молниеносным выпадом щита своего товарища по оружию, солдат Тродаса скончался бы, не успев обнажить свой меч. Мгновенно воины Тродаса выстроили малый хирд, а арбалетчик выпустил свою стрелу, пробив ступню врага, менее защищенную, чем тело. Завязался смертельный бой. Несмотря на боевую выучку, воинам Тродаса пришлось не сладко. Миларис был атакован со стороны левого бока, но, заученным движением, отразил вскользь меч врага своим кинжалом, который в ту же секунду испил крови первого ретивого противника, воткнувшись тому в шею, открытую для

удара. Меч Милариса отражал сыпавшиеся на него удары, успевая при этом наносить смертельные раны, выискивая прорехи во вражеских доспехах. В течение двадцати минут бой был окончен, и командир отряда отдал приказ собрать все сведения из седельных сумок павших воинов. Выяснилось, что напавшие являлись воинами земель Альмерата, о пустынях которых давно ходили слухи в государстве Тродаса. Говорили, что воины пустынных земель, посылаемые своим господином, всегда возвращались, выполнив возложенную на них миссию. Для чего они зашли так далеко, никто не ведал, но все понимали, что нападение было не случайным.

После столкновения с вражеским войском перестали приходить вести с рубежей империи, и в землях Тродаса воцарился мир. Через пару лет дисциплина в армии постепенно начала приходить в упадок: воины перестали ожидать нападения, будучи уверенными в силах империи, оттого начинались многочисленные потасовки между ними и всевозможные кутежи после изрядно выпитого спиртного. Сам Брамас отчаялся восстановить справедливость и порядок в армии, солдаты сетовали на скуку, и муштра на плацу их теперь мало волновала. Все это понимали, и потому дозволялись командиром большие уступки, чтобы армия не бунтовала. Многие уходили разводить скот, засевали поля и начинали приобщаться к мирной оседлой жизни. На стенах во многих жилищах можно было заметить запылившиеся щиты и оружие. Миларис, оставив строевое поприще, полностью погрузился в изучение странных надписей в провинции Скудуар, некогда заселенной малочисленным племенем Скудранов, северных воинов, покинувших свои земли.

Ранним утром Брамас проснулся и, не взглянув на жену, вышел на улицу, не взяв армейскую справку – так продолжалось уже более шести месяцев. Стремление отойти от рутинных дел, напрочь отталкивало его от гвардейской суеты. Командование легионами он доверил своему помощнику. Перед выходом, обувшись, и едва хлебнув кислого кваса, Брамас отправился в таверну, что находилась в паре кварталов от его дома. Незаметно пролетели часы, и он оставался бы там до самой полуночи, если бы его не одернул Миларис, вернувшийся со Скудрана. «Всё спокойно?», – прошептал Брамас. «Да, командующий», – ответил Миларис. «И на том спасибо», – буркнул командир себе под нос. «Чего приперся? Никто не ждет разве? Или опять начнешь читать мне мораль? Вали отсюда! Пшел прочь!!!», – прошипел в гневе Брамас. Миларис ответил: «Зачем пьешь? А пришел я, потому что супруга твоя беспокоится». «Передай ей, что приду поздно, хотя, черт с вами, подожди здесь, я схожу за изгородь и вернусь». По трактиру расплывался едкий запах замызганных тарелок и кислого пива, иначе как пойлом эту гадость нельзя было и назвать. Всюду валялись пьяные тела, изредка кто-то издавал жуткие чавкающие звуки, как будто пища возвращалась ему обратно в рот, и тот, отрыгивая, старался запихнуть её обратно. Кто-то успел уже подраться и побить посуду. На некоторых тарелках, еще целых, багровыми потеками запеклись сгустки крови. Это было до того мерзкое заведение, что Миларис, злобно кашлянув, пнул своим массивным армейским сапогом пришедшего пьяницу так, что у того, казалось, взвизгнул не только рот, но и каждый волосок на голове от жуткой боли. Оправившись в углу и завязав лямки на своих штанах, Брамас косым взглядом обвел происходящее и сказал: «Тебе я, смотрю, брат, не по нраву местные обычаи?! Чего хайло крутишь в омерзении, а? Вот, полюбуйся, до чего дожил наш народ. Наверно стыдишься своего командира?! И правильно, разве может уважающий себя командир так надираться». С этими словами Брамас, подхваченный учеником, поплелся к своему дому, останавливаясь через каждые полсотни шагов, чтобы опустошить свой желудок рвотой. Миларис зашел в дом, уложил тело на лежанку, которую приготовила жена Брамаса, извинился, и молча вышел в направлении казарм.

Миларис собирался вновь посетить Скудуар, с целью как можно подробнее изучить пророчества тех земель. Он понимал, что существует связь между пророчествами Тродаса и Скудуара. Эти два народа были разделены сотнями веков, и никогда ранее не взаимодействовали друг с другом. Что-то гораздо более серьезное таилось в закоулках времени. Многие сведения

были утеряны, позабыты, или попросту уничтожены. И вот, простившись с Брамасом, Миларис отправился в путь, предварительно взяв с собой все необходимое.

Повозка, нагруженная инструментами, медленно продвигалась по пересеченной местности. На этот раз пройти нужно было намного дальше, чем прежде, и углубиться в потайные уголки заброшенной цивилизации. За последний месяц Миларис преодолел чуть больше намеченного пути, потому что шел по безопасным, как он считал, дорогам. Быка, что был в упряжке, приходилось кормить подножным кормом и делать частые остановки. Порой приходилось неделями преодолевать отвесные горные переходы и поддерживать в узде быка, который был не приучен к таким испытаниям. Путь давался тяжело, несмотря на первую половину лета, которая оставалась холодной, как ранняя весна. В первом постоялом придорожном дворе Миларис впервые смог передохнуть, обменял уставшего быка на норовистую клячу за доплату у корчмаря и выяснил, что земли окраин уже близко. По прибытии он принялся за работу: распаковал вещи, соорудил из больших стволов поваленных деревьев некое подобие жилища, и углубился в заросшие дикой зеленью поселения Скудуаров.

По сказаниям своего народа Миларис примерно понимал свое направление и смело продвигался вглубь поселения, пока не увидел старый заброшенный храм, наполненный таким смрадом, что будь на тот момент здесь Брамас, он бы сказал: «что за мерзость, у меня уши заворачиваются от вони!» Пришлось намочить шарф водой и повязать себе на лицо, чтобы хоть как-то сбить мерзостный запах отхожего места. Почему так случилось, он не понимал, да и не стал вдаваться в подробности. Пройдя сквозь затхлое помещение, его взгляду предстали катакомбы, выстроенные в незапамятные времена и надписи, судя по тем знаниям, какими владел Миларис, говорили о том, что нужно идти дальше. Катакомбы уходили вглубь храма на запад и, по настенным начертаниям можно было понять, что идти нужно с осторожностью, так как на изображениях были начертаны мостки между какими-то непонятными углублениями, и эти мостки, как понимал Миларис, за истекшие годы стали совсем ветхими. Малейшая оплошность привела бы к плачевным результатам. Использовалась веревка с крюком, чтобы зацепиться за противоположный выступ или корягу, иногда можно было просто перепрыгнуть небольшой ров без опасения за свою жизнь, но кое-где пришлось браться за багор, чтобы силой наклонить проржавевшие в петлях поднятые мостки.

Старый шаман Тродаса многому научил Милариса, рассказал про хищных животных, которые обитали в землях Скудуара, и как их убивать, а некоторых лучше обходить стороной. Тайные знания древних рукописей, переданные жрецом, не соответствовали надписям на стене, и лишь по некоторым похожим словам удавалось понять смысл. Из темноты то и дело высовывались кровожадные морды крыс, готовых в любой момент напасть на человека. Один раз выскочил странный саблезубый чешуйчатый тигр, известный своей тягой к темным мрачным пещерам. Но, чтобы тигр залез так далеко, его нужно было очень сильно напугать. Продвигаясь все дальше, становилось заметно отсутствие крыс, запах тухлятины усилился – это наводило на размышления. Достигнув центрального зала, Миларис ужаснулся тому, что все помещение было плотно засыпано костями и разложившейся утробой, по периметру заваленной слоями многолетней пыли. Света факела не хватало на все помещение и пришлось зажечь еще несколько фитилей, окунув их в масло, налитое в предварительно подготовленные сосуды. Зал осветился переливистым мерцающим светом от фитилей, выполненных из различных составляющих материалов, что обуславливало причудливость светового оттенка. На стенах были выгравированы религиозные символы, и, как стало понятно из просмотренных ранее рукописей, они означали защитный барьер. Но, барьер от чего, или – кого? В помещении было очень холодно, и у бывалого воина застучали зубы. Послышался негромкий скрежет, стало ощутимо казаться, будто кто-то лезет сквозь плиты перекрытия между нижними этажами. Возможно, это было отражение движения подземных вод, и Миларис не стал отвлекаться на подозрительный шум, приступив к самому важному. Отскребая грязь со стен, ему

стала открываться довольно интересная картина: символы говорили о некоем потайном лазе, в котором должна храниться реликвия. Что это был за предмет и какому богу принадлежал, в настенных текстах не говорилось, а надписи о местонахождении были затерты. Звук, доносившийся из-под плит, прекратился, и до слуха Милариса донеслось оглушающее завывание. Вой этот был ни на что не похожий, оттого все существо человека сжалось под натиском скользящего страха. Никто многие века не решался нарушить покой этого зала, никто даже не знал, что скрывает в себе этот мрак. Факелы и тепло живого тела сделали свое дело: раздвигая мертвую плоть, издавна копившуюся на полу, медленно вылезал, проснувшись, тролль. Такого на своем веку воин не встречал. Все тролли были истреблены до рождения Тродаса, и только хроники прежних эпох упоминали эти события. Вступать в бой не имело смысла, но убежать от твари не позволяла гордость. Пришлось принимать решение быстро, исходя из ситуации. Черная туша, рыча и скрежеща зубами о пол, пыталась вытащить свое тело из обломков плит и костей. Арбалетный болт, выпущенный почти в упор, застрял между ребер чудовища. Это не только не убило его, но разозлило, кожа была настолько толстая, что было бы даже странно убить его с одного удара. Тролль рванул арбалетный болт и обломил его у самого основания острия. Этого в древних хрониках не упоминалось – тролли не обладали ярко выраженным разумом. Замах монстра был таким сокрушающим, что колонна, подпирающая потолок, разлетелась на мелкие осколки гранита, ударной волной отбросив исследователя на добрых три метра. Всё тело человека покрывали глубокие ссадины, кровь сочилась по телу, не защищенному литым доспехом, и только кольчуга с латными поножами на руках частично защитили его от удара. Миларис, приготовившись к безнадежному бою, отступал. Тролль, долго живший в темных катакомбах, больше ориентировался на слух, чем на зрение. Воин схватил полусгнивший труп пещерного ящера, зацепил его крюком и швырнул под ноги троллю. Увидев падение тела, тролль яростно ухватился за него зубами, со всей силы ударил, и пропустил сзади удар мечом чуть ниже левого виска. Кровь заливала полы, монстр пошатнулся и упал. Яростно загребая когтями, он пытался очухаться и встать. Не теряя времени, Миларис схватил факел, вырвал из связанных вещей флакон с маслом и, запалив, швырнул в лицо тролля. Совсем ошалев от боли, безумно рыча и дергая головой, тролль, невидящим взглядом, размахивал руками, пока не достиг противоположной стены в поисках человека. Тяжело двигаясь, мутант задел своим телом каменный рычаг, и в тот же миг сработал какой-то механизм. Из стены мгновенно вылетело стальное копьё с алмазным наконечником и насквозь пробило шею тролля. Немного подергавшись в агонии, тело монстра осело в собственной луже крови.

Отдышавшись, Миларис, с трудом переставляя ноги, добрался до своего походного мешка и достал тряпки, чтобы перевязать окровавленные раны. Подтянув к себе поближе воинское снаряжение, он пристально всматривался в труп древнего врага, не в силах поверить своему чудесному спасению. Обугленная голова тролля еще дымилась, и кое-где сполохи пламени нет-нет, да и вспыхивали в луже крови, пропитанной маслом. Горячая кровь тролля, под воздействием огня, разъедала гнилостные накопления, полностью освобождая плиты пола от наносного мусора. Прислушавшись к окрестным звукам, было понятно, что здесь больше никого не было. Именно это существо держало в страхе всю живность, боящуюся забредать в центральную залу. Обмотав поврежденные участки тела, наспех разорванным свежим тряпьем, было принято решение изучить рычаг-ловушку. По всему выходило следующее: ловушку использовать могло только очень крупное существо, ибо человеку сдвинуть такой огромный рычаг было не под силу. На верхушке рычага красовался ухват для массивной руки. Технология, использованная в изготовлении, явно принадлежала не людской расе. На спешное изучение было потрачено около двух часов, но вразумительных ответов найдено не было, что свидетельствовало о скудных данных, которыми располагал Миларис. Кровь тролля разложила все останки, скопившиеся в центре залы, и стали видны ложбинки древнего схрона, запечатанного комбинацией непонятных символов, нарисованных на стенах. Расположив правильно

символы, вращающиеся в настенных плитах относительно созвездий на потолке, можно было открыть тайник, но, сказать – не значит сделать. Прежде чем заняться символами, необходимо было досконально изучить механику взаимодействия созвездий. Вернувшись на поверхность, Миларис принялся разводить огонь. Нужно было все обдумать и определить, что могло помочь в решении головоломки. Услышав в кустах движение, он насторожился. Сняв с лошади копье, с которым было не развернуться в тесных коридорах катакомб, воин принял боевую позицию, быстрым движением подкинув в тлеющий костер дров. Храм располагался в лесу, и увидеть что-либо было сложно. Из леса медленно выдвинулся строй панцирников, оцетинившихся копьями. Было видно, что это небольшое войско имеет отменную выучку, и все их движения слаженны. Войско Тродаса, наверное, ничем бы не уступило в бою такому строю, но что-то настораживало. А настораживал звук, исходящий из их мерно вздымающихся и оседающих щитов. Такого в своей жизни Миларису не представлялось видеть, но он понял – перед ним не люди. На краткий миг в воздухе повисла тишина, которая была развеяна тихим, но в то же время мощным голосом их предводителя. Сложно было понять его краткую речь, но всеобщий язык, известный даже за пределами Большого моря, улавливался в тихих нотках голоса. С трудом можно было понять, о чем идет речь, но, взвесив мотив голоса и жесты говорящего, стало ясно, что драться они не хотят. Показав рукой в сторону, человеку было предложено идти вместе с ними, и кивок головы Милариса подтвердил его намерение. Несколько воинов остались охранять поклажу, остальные двинулись в сопровождении. Щиты, прикрывавшие воинов, были невероятно тяжелы на первый взгляд, но то, с какой легкостью они были подброшены и закреплены на спинах, вызывало поистине удивление.

Между деревьями пролегал тропка, по которой шли незваные гости вместе с чужеземцем, ведущая в глубокое ущелье. Там тропка распадалась еще на две, одна из которых вела внутрь горы и выходила на широкое горное плато. Миларису никто не завязывал глаз, никто не угрожал и не подталкивал – это был поход свободных воинов, равных по духу. Все понимали, что человек не ушел бы просто так, если бы захотел. Станный народ сопровождал странника в неведомые места: они были стройны и светловолосы, легки на подъем и изысканно двигались, но сила в их руках вызвала недоумение. Скарб, который они несли за плечами, был неподъемен, но шаг воинов был легким и быстрым. Лица их закрывали глухие шлемы, а тела – светло-зеленые латы из странного материала. Вдруг на открытом месте внезапно вспыхнули сотни огней, и Миларис увидел небольшой город из камня, освещенный странными шарами, излучающими свет не хуже самого Солнца, только мягче. Город предстал перед ним в такой красе, что каждый бы влюбился в него и остался здесь навсегда. Проследовав за командиром отряда до ратуши, Миларис вошел в сопровождении стражи во внутренние покои и обомлел. Все то, что он читал в книгах, предстало перед его очами: перед ним в царском облачении стояла девушка. Женщиной ее трудно было назвать, слишком она была юна. Но, как потом выяснилось, ей исполнилось семьсот лет и, по меркам своего народа, она считалась зрелой женщиной. Говорила она на родном с ним языке, и поведала свою историю...

Эльфы и гномы всегда враждовали между собой. Приглашенные гномами на переговоры, эльфы узрели в горах крупницу зарождающейся материи, известной как Сильфит. Гномы охраняли это чудо природы, не смыкая глаз, и как было известно, нельзя было враждовать, если рядом находилась частица души мира. Но, эльфы пренебрегли этим и, воспользовавшись замешкавшимися гномами, добровольно открывшими врата подземных врат эльфам, захватили Сильфит. Понадеявшись на свою ловкость и прозорливость, они не успели покинуть чертоги гномов – врата были заперты. Оставалось одно – принять бой и погибнуть, как подобает настоящему воину, покрыв себя вечной славой. Разгорелась битва, и эльфы не сумели выстоять под натиском гномов, прибегнув к запретной магии – смогли слить свои заклинания с Сильфитом, тем самым спровоцировав коллапс. По сводам гномьего царства разлился ярчайший свет, который озарил каждый камень, каждое живое существо, а затем все померкло в тишине.

Собравшись обеих рас, которые находились вне гномьего царства, видели световой столб, исходящий из центра горы, и поспешили к подножию скал. Придя к месту встречи, гномы и эльфы увидели то, о чем никогда не могли даже подумать: к ним навстречу выходили их братья. Это были не эльфы и гномы – это были Сильмариты, что-то среднее между гномом и эльфом, некий симбиоз. Порождения света были отвергнуты гномами и эльфами, как порождения мрака. Им пришлось покинуть мир, создав собственный. Вышедшие из света, сами стали создавать свет и отдавать его миру. Древняя тяга к сородичам год за годом становилась все тяжелее. Тоска по родным местам, коих они были лишены, не давала им покоя.

Королева Сильмаритов Аделия рассказала Миларису о древнем храме, где он проводил исследования, а также о том, что давно было известно о приходе человека, который углубится в запретные глубины тоннелей, и будет одержана победа над мрачной тенью прошлых времен. Он узнал, что происходит возрождение сил зла, но уже не в их изначальном облике, а в измененном. Гномы и эльфы отошли от земных дел, интересы людского мира их не касались. Никто не замечал нависшей опасности, исходящей с Востока, не видел ловко завуалированной тени готовящегося вторжения. Рассказ продолжался весь следующий день и Миларис вынес из него ценнейшие знания о грядущих бедах, но откуда стоило ожидать удар, не знала даже Аделия. Пообещав помочь с древними руинами и загадочными клоаками катакомб, было дано распоряжение снарядить экспедицию во главе старшего шамана, знающего древнюю магию чисел. О данном храме никогда не интересовались в народе Сильмаритов, считая его не достойным внимания.

Придя на место боя с троллем, спутники первым делом осветили огромную залу своими эфемерными лучами сфер. Шаман открыл рот от удивления, увидев знакомые начертанные линии и знаки. Расположившись в верном порядке, согласно указанным надписям на стенах, шаман произнес резкое заклинание, от которого дрогнули плиты пола, обнажив корявые стыковые соединения. По объяснению шамана выходило, что эту смертельную ловушку строили такие же Сильмариты как они, но откуда они пришли было неведомо. Рычаг в центральной зале свидетельствовал о том, что предполагалось использовать его в качестве нажимного механизма при помощи огромного живого существа, либо некоего механического объекта, который был неведом современным расам. Здесь явно ощущались технологии гномов, но символические знаки свидетельствовали о том, что к этому приложили руку и эльфы.

Таких хитросплетений не ожидал даже шаман. Обсудив дальнейшие действия, было принято решение действовать на следующий день, на рассвете. Миновала спокойная ночь, часовые несли свой пост где-то в лесу. Наутро двое из сильмаритов остались охранять вход, остальные же двинулись в направлении загадки зала. Шаман провел контур возле одного знака на северной стене, затем сделал какую-то отметку на южной, провел светящимся оголовком своего жезла по центральной выемке в полу и покачал головой. Окончательно проверив свои исчисления, он сказал: «это было место жертвоприношений, использованное темными силами в очень далекие времена, и тролль неспроста тут очутился – он выбрал это место для своего упокоения, так как чувствовал притягивающую его энергию. Эту мощь пытались скрыть древние сильмариты, используя самый крепкий камень, заставили погаснуть вырывающуюся энергию, но не смогли. Было предложено Миларисом попытаться снять оковы с этого схрона и посмотреть, что там находится, и как это может нам всем послужить в будущем. Шаман вытер пот со лба, образовавшийся после слов о взломе. Еще никогда не сталкивался он с таким могущественным артефактом. Все понимали, что это нужно сделать и поэтому, выстроившись, на всякий случай, в боевой порядок и, прикрыв друг друга со всех сторон щитами от внезапного нападения или сработавшей ловушки, шаман приступил к действиям. Достав из футляра колбу со странным светящимся золотым раствором, он поднял его над головой и бросил в стену северного входа, точно попав в центральную сферу под полумесяцем. Почувствовав прилив световой эссенции, сфера дернулась и, провернувшись вдоль своего периметра, замерла, издав шоркающий звук с

оглушающим хлопком. Это было хорошим признаком того, что механизм действует. Следующий флакон с матово-коричневой жидкостью полетел в сторону южной стены, и тут началось: из открывшегося люка под потолком выплеснулся поток шипящей жидкости в направлении шамана. Воин-сильмарит закрыл шамана щитом, и жидкость, ударившись о щит, активировала странную световую энергетическую волну, исходящую от щита. Щит получил удар такой страшной силы, что сильмарит вылетел из строя и, ударившись о стену, потерял сознание. Шаман мановением руки, в мгновение ока, сотворил заклятье и кинул в щель, предварительно отбросив всех магией в разные стороны. Удар пришелся прямо в древний механизм защиты, выплюнувший непонятную жидкость. Внутри все заскрежетало, забулькало, и раздался треск разламывающейся колбы. Из механизма повалил густой дым, а по стене потекла жидкость, выплеснутая из разрушенной емкости. Необходимо было проанализировать это устройство, чтобы действовать дальше и понять, с чем пришлось столкнуться.

Рассмотрев механизм, оказалось, что от него по всему залу шла сеть странных, запутанных ответвлений, которые генерировали между собой своеобразную степень защиты, реагирующую на определенные действия. Разложив действие механизма на составляющие, шаман понял принцип его работы и сказал: «такие механизмы использовались несколько тысячелетий назад гномами, я узнаю в них специфическую природу исполнения, она прописана, кстати, в наших трактатах. Это сделано грубо, но качественно, наши предки знали толк в создании ловушек». С этими словами шаман аккуратно вознес руки над головой, сотворил тайный магический знак, и все механические ловушки помещения окрасились голубоватым светом. Определив целостную составляющую, он с легкостью обнаружил управляемый запорный затвор. Отключив механизм взаимодействия, шаман произнес: «теперь мы можем вскрыть тайник». Под массивной плитой, которую с трудом смогли сдвинуть, ибо никакого механизма не обнаружилось, а возможно так и было задумано, лежал манускрипт со странными изречениями и надписями. Что там написано, не ведал даже Шаман, и принято было решение отнести трактат Аделии. Прибыв с докладом к королеве, шаман в подробностях рассказал обо всем виденном: о ловушках, о тролле, убитом славным воином, и о странной рукописи. Аделия, взглянув на незнакомые всем руны, усмехнулась и велела слушать.

– «Наши знания оставлены вам, потомки! Мы уходим из этого мира, все кто может. Нам мало. Раньше, во времена ранних колонизаций, наши предки могли мгновенно перемещаться сквозь время. Нам был дарован от природы дар, при помощи которого мы открывали призрачную дорогу к цели. Сейчас не все могут открывать проход, поэтому у нас есть единственный шанс, чтобы в последний раз отправиться в путь. Возможно, в будущем и у вас проявится этот дар, но мы не можем ждать. Алхимики создали сферу путеводитель, которая открывает путь в Закат. Воспользоваться ей можно только один раз, после чего она уничтожит сама себя. Ушедшие по призрачному пути никогда не смогут вернуться, поэтому будьте осторожны», – прочитала Аделия. Ниже в манускрипте располагалось изображение сферы. «Мы никогда не встречали такое устройство», – ответила королева, и показала изображение присутствующим. Миларис, увидев знакомый механизм, сказал: «у нас хранится такая сфера. Но кто сможет ее использовать, если знаний нет?» «Мне, кажется, – ответил шаман, – я смогу помочь вам и расскажу то, что знаю от своего деда». Так тому и быть, подытожила Аделия – «отныне ты, Миларис, почетный гость нашего города, учись и будь полезен не только своему народу, но и нам. Я понимаю, что это коснется всех нас, поэтому действовать нужно быстро и решительно».

В Тродасе жизнь текла своим чередом, ничего не менялось, и только супруга Брамаса, находясь в положении, сильно беспокоилась за мужа, который потерял смысл жизни. А смысл у него был один – защищать Родину. И чем коварней был враг, тем было лучше. Сейчас самым лютым врагом было похмелье и, как известно, бороться с ним было бесполезно. Жена Брамаса вот-вот должна была родить, но домашние хлопоты не бросала. Медленно наступала зима, ветер завывал все чаще, и на душе Самлины становилось тоскливо и одиноко холодными вече-

рами. Внезапно начались военные конфликты на рубежах империи: дикие народы, окружающие страну, то и дело совершали набеги на прилегающие порубежные деревни. Приходилось постоянно реагировать на такие дерзкие вылазки, поднимая легионы по первому зову. Путь до границ империи был не близким, и порой бывало так, что, придя в разграбленную деревню, врага на месте не заставали. По словам местных жителей, это были небольшие разбойничьи гарнизоны, состоящие из вольных наемников и малочисленной дружины незнакомых им графств. Брамас отдавал команду оставлять в деревнях небольшой гарнизон, чтобы в случае набега отразить угрозу. Сложно давалась воинская учеба доморощенным жителям деревни: меч для них был слишком тяжел, лук – неуправляем, а владение своими кулаками заставляло желать лучшего. Мужики, отродясь не занимавшиеся военным ремеслом, очень часто паниковали при виде вооруженного пехотинца, тем более – конного всадника. Единственным ездовым животным в деревни считался мул, которого запрягали в плуг. Позволить себе коня или захудалую кобылу крестьяне не могли. За пределами Тродаса, в большинстве своем, преобладали дикие земли, и неконтролируемые шайки воров и дезертиров объединялись в небольшие союзы, чтобы беспрепятственно чинить беспредел, наживаясь на беззащитных людях.

Что касается императорской власти Тродаса, то она была представлена народным советом во главе с женой Брамаса, которая была главным оплотом стабильности государства. Говорят, в незапамятные времена, когда прочны были союзы людей и первородных рас, гномы научили этот народ военному мастерству, как правильно биться в плотном строю. К тому времени пока командир решал очередные военные распри, его супруга родила девочку. Девочку назвали Титания, как и было решено до отъезда отца.

Прошло около трех лет с тех пор, как родилась у Брамаса дочь, и как ушел с Тродаса Миларис. Очень часто солдаты смеялись над Миларисом, что он не солдат, а скорее ведун. Никто не понимал его, даже командир. Бывало, Брамас говорил: «ты, Миларис, хорош в бою, отважен, но духом своим ты хлипкок, слишком уж ты веришь в сказки, которые тебе рассказывает шаман». Хотя весь Тродас, благодаря шаману, знал пророчество.

Миларис пробыл у сильмаритов несколько лет, изучил множество легенд и, что самое главное, в большей степени решил проблему с пылившейся сферой миров, хранящейся в Тродасе. Даже сильмариты не понимали, каким образом она оказалась в руках империи. Пришло время Миларису покинуть пристанище сильмаритов и отправиться в далекий опасный путь, навстречу неизведанной судьбе. Много перенял он в гостях: новую технику боя, свойственную только сильмаритам и адаптированную под человеческий лад. Конечно, в схватке с сильмаритом человеку было не победить из-за его врожденной медлительности, но другие создания долго бы не выстояли под изученными пируэтами меча. Королева Аделия уточнила, что их народ не связан узами ни с какими другими расами, кроме своей, и что помощи от них ждать не следует. Сильмариты оказались своеобразным народом, смесь крови гномов и эльфов внесла много исправлений не только в структуру их тел, но и разума. Сложно было понять мотивы и желания этого странного народа, и что еще было более странным – почему они приняли человека к себе в ученики. Возможно из-за схватки с троллем, или из-за стремления к знаниям – было непонятно. Но, тем не менее, Миларис был благодарен им за помощь и, попрощавшись, взвалил свой походный скарб на плечи. В сопровождении дюжины сильмаритов он отправился к большому имперскому тракту.

Выйдя к широкой дороге, сильмариты оставили Милариса, но еще добрых четыре часа следовали за ним в лесной чаще, проверяя путь. Миларис был свободным воином, по своему желанию несущий бремя воинского пути, и потому Брамас относился к нему с достоинством. Основной заботой Милариса считалась вера, которую ему прививал шаман, но Брамас с охотой принял его в строй собратьев по оружию. Первым делом воин отправился к шаману и в мельчайших подробностях рассказал ему о своих изысканиях, о встрече с неким странным народом, называющим себя сильмаритами, о происхождении которых умолчал. Рассказ о сфере шаману

был отложен до лучших времен, потому как особой важности в этом Миларис сейчас не видел – ну, хранится сфера в казематах хранилища, и пусть хранится. Шаман Ксартус был очень удивлен и взволнован рассказами своего ученика, особенно сильно взбудоражил рассказ о тролле. После чего Ксартус с головой ушел в старые летописания, а Милариса отправил навестить Самлину и передать кое-что ее дочери. Брамас был в очередном рейде на границах имперских владений, а его жена возилась на кухне, готовя обед для семьи, когда в дверях показался Миларис. Титании на тот момент исполнилось уже три года. Увидев незнакомца, она побежала к матери, схватив ее за подол платья. Видно было, что Самлина сильно устала, и не так, чтобы от физической работы по дому, сколько от волнения за мужа. Целый день они проговорили, делясь друг с другом своими горестями и радостями. Самлина, щедро попотчевав гостя, попросила о важном для нее деле, а именно: сходить в пределы северных земель и помочь Брамасу скорее завершить дела и вернуться домой. Миларис с удовольствием согласился, поскольку не видел командира долгое время, а навестить друга представлялось ему большой честью.

Наутро Миларис сообщил о своем походе в северные пределы империи шаману и, получив благословение, сразу же отправился в путь. Брамас учил Милариса всегда полагаться на щит, который прикроет ему спину в решающий момент боя, но, по недавнему обучению у сильмаритов, он несколько изменил свое представление о защите спины щитом. В подарок от новых друзей он получил длинный с рунами меч первоклассной работы, который хранил очень бережно и, который, в данный момент, находился на спине, завернутый в твердую непромокаемую ткань. День клонился к вечеру, когда Миларис достиг игристых порогов Стромини, реки, берущей начало в отрогах северных гор. Судя по замшелым камням – это были дикие земли, по которым хаживали лишь копыта диких животных. Брамас отправился в северные земли, взяв с собой лишь два легиона воинов, остальные двенадцать легионов оставил в столице. Чтобы сократить вечер и как-то себя занять, воин обнажил дорогой подарок и начал пристально его изучать. Рассмотреть в столице сильмаритов не было возможности, считалось неприличным глядеть на подарок, находясь в гостях. Клинок опоясывала вязь из жгучих листьев ампедала, древа небесного света, описанного в легендах, как священное дерево богов, навеки исчезнувшее в незапамятные времена. По кровотоку спускалось изображение лучей света от гарды клинка, тем самым создавалось впечатление, что это старое древо сияет на фоне отраженного света костра, разведенного Миларисом. Поужинав скудными припасами, взятыми с собой в дорогу, чтобы не отягощать и без того тяжелую оружейную кладь, закутавшись в теплый саван, воин погрузился в тревожный сон. Ему снились бесконечные битвы на странных далеких берегах, диковинные птицы, летящие по небу, а затем ему приснился Тродас, город, объятый пламенем, и сгорающие в адском огне легионы империи. В липком горячем поту он проснулся, подаренный клинок странно теплел в его сжавшемся кулаке, и чутье опытного воина подсказывало, что этот сон был послан ему неспроста. Заложив погасший костер ветками, чтобы никоим разом не спровоцировать идти кого-то по своему следу, Миларис взвалил походный тюк на плечи и тронулся в путь. Несмотря на то, что идти предстояло через северные горы, было тепло, и южный ветер своими свежими порывами доносил сладкий аромат низинных цветов. Снег лежал лишь на вершинах гор, и не стоило волноваться из-за того, что скоро похолодает – это было нормальным явлением для этой местности. Когда-то земли, примыкающие к Стромине, были полностью охвачены ледовой коркой, и не каждый мог в одиночку пройти этим путем, огибая крутые склоны. Сейчас же климат изменился, и ледник отступил, обнажив растаявшую землю, через которую, пробивая себе дорогу, росли карликовые деревья и кустарники. День клонился к полудню, как что-то насторожило Милариса: легкий шум донесся из-за перевала, который необходимо было пройти. Прибавив шаг и достигнув гребня каменного холма, было четко слышно бормотание. Присмотревшись, стало понятно, что какой-то мужичок шептал себе под нос страшные проклятия, потому что его осел не хотел идти вперед. Миларис крикнул: «эй, чужеземец!». Мужичок норовисто посмотрел на окликнувшего воина и сделав рас-

слабленный вид, потянулся к бурдюку с водой, свисающему с осла. Стоило Миларису подойти вплотную, как человек резким движением руки выхватил из-за пояса длинный нож и приготовился к драке. «Я тебе просто так не дамся», – крикнул мужичок и, размахнувшись, что есть сил, бросил нож в корпус воина, который упал рядом с ним, не долетев. Миларис посмеялся и сказал: «из тебя такой славный воин получился, как из осла – лошадь». «Смейся-смейся, бандит, я не дам тебе меня ограбить, будем драться до конца», – прокричал мужик. «Да не хочу я с тобой драться, мил человек, я не бандит, а солдат из Тродаса», – спокойно сказал Миларис, поднимая обе руки в знак смирения. «Я смотрю меч-то у тебя вон, какой изысканный, небось, украл, а? Солдату не хватит жалованья на такую роскошь!», – осторожничал мужичок. Да, действительно, подумал Миларис, дурак-дураком не запаковал меч, сейчас оправдывайся почему зря. «Ты прав, почтенный, простому солдату не хватит золота на такую безделушку. Это подарок!» «С чего мне тебе верить?», – крикнул мужик. «А ты не верь, просто покажи мне дорогу к легионам Брамаса, не встречал ли ты их?», – сказал Миларис. – «Брамаса, говоришь?! Хмм... Легионы сейчас в полудне пути отсюда, ты не похож на шпиона. Ладно, если грабить не будешь, пойдем со мной, нам по пути, кстати, меня зовут Понтий». «Рад знакомству, Понтий», – сказал Миларис. Позволь помочь тебе, я немного знаю ослиные повадки. С этими словами воин вытащил какое-то странное растение из заплечного мешка, дал понюхать ослу и тот, издав протяжный возглас, двинулся за Миларисом. Впереди цветным ковром расстилось поле, по которому шли путники, один был полноват, другой – мускулист и, судя по весу вещевого мешка, двужилен. Оказалось, Понтий торгует с северной грядой, но разбойники то и дело грабят его на большой дороге, вот и пришлось ему идти дорогами окольными. Сложно было назвать это объездной дорогой, скорее тропой, но безопасность того стоила. Торговал Понтий не абы чем, а медикаментами, собирал которые на юге Тродаса. Оттого и цены держал не шуточные. Долгая кочевая жизнь не шла ему на пользу – толстел не по годам, а по часам. Как потом выяснилось, выпить больно любил Тродасского хмеля. Покутить в борделе любил каждый солдат, но Понтий был заядлым бабником, как напьется, так и просадит все деньги. Но в работе был мастер, у него, оказалось, есть все, что нужно для имперской армии: бинты, останавливающие кровь травы, противорвотные смеси, противоядия – все было в повозке.

Двигаясь вдоль реки Брагос, путники наткнулись на сожженную деревню, иссиня-черную от опавшего пепла. Именно там Миларис подхватил под руки Дарвала и бережно уложил в повозку. Через семь лиг по бездорожью они передали беспомощное тело Дарвала ведунье, и та снабдила их полезной информацией. В Тродасе к ведуньям относились со страхом, ибо под видом знахарок очень часто скрывались настоящие ведьмы. Злые ведьмы представляли собой существ, всем своим внешним видом вызывавших отвращение и всячески вредивших не только людям, но даже себе подобным. По словам ведуньи, в руки которой был отдан Дарвал, впереди лежало большое испытание духа для любого существа, кто осмелится бросить вызов сверхъестественным силам. О чем, или о ком шла речь, никто не понял, но некоторые предосторожности были приняты.

Продвинувшись на две лиги дальше, путники, действительно, обнаружили странное скопление незнакомой чертовщины: мракобесы, несмотря на свой малый рост, источали такой смрад, что хотелось бежать. Описать их можно было таким образом: небольшие демонические существа с огромной пастью, которые в одиночку нападать никогда не решались, но в группе им не было равных в жестокости уничтожения любой жизни. А тут, к великому сожалению, их было очень много, но располагались они как-то не совсем группами, рассредоточившись по большому периметру открывшейся местности. Прибрежный полуразрушенный город Нарук был осажден злобными монстрами, неведомо каким образом объявившимися здесь. Обычно мракобесы находились на другой стороне континента, там им было более комфортно жить в жуткой жаре, где другие расы жить просто не могли. Что-то подтолкнуло их поменять выгодные условия жизни и переместиться в теплые отдаленные регионы Тродаса. Тем не менее, с

этим приходилось считаться, и так как у этой мерзости не было прав к существованию, по жизненным принципам их надлежало уничтожить. Возникал вопрос – где легионы Брамаса?! Пройти сквозь город двум легионам не составило бы труда, серьезного сопротивления оказано не будет, так чего же они медлили. Бездна мрака, что на южной оконечности Мерцающих гор, с периодическим постоянством порождала на свет отпрысков тьмы, но, появлявшиеся в небольшом количестве демоны тихо-мирно уничтожались небольшими дружинами, если забредали в чужие земли. Сверившись с обстановкой города, решено было малыми перебежками добраться до портовой дороги и, возможно, там встретить Брамаса, или миновать гнилой город. Медленно ступая по тротуарным городским камням, становилось подозрительно странно, почему монстры не замечали путников и копошились по мере своей надобности на одном месте, изредка переговариваясь друг с другом на своем жгучем наречии. На крыльце местной ратуши сидел беззаботно человек и наблюдал за происходящим, других людей в городе, как подумалось, не было. Миларис обратился к сидящему человеку: «Ты почему сидишь на виду у этих тварей, прячься куда-нибудь или пошли с нами». На что был получен ответ: «Неужели вы можете спасти меня от судьбы? Неподалеку отсюда есть древнее капище богов, которое используется жителями как убежище в случае опасности – там все, кто не успел бежать. Я помогу вам туда добраться, вечером идти по городу опасно». Выбора не было и пришлось согласиться на вынужденную помощь незнакомого человека.

Углубившись в городские подвалы, ибо по поверхности было продвигаться нерезонно, добрую четверть лиги пришлось идти по узким коридорам. Благо осла за собой тащить не пришлось, он был предварительно отпущен на вольные хлеба перед входом в город, и тут же сделал ноги, почуяв недоброе. Все лекарственные припасы были схоронены под надежным коряжистым пнем до лучших времен, благо обмотаны они были непромокаемым плащом. Новый человек был неразговорчив и молча плелся впереди, показывая дорогу. На очередном повороте был найден испеченный хлеб, лежащий горкой. При попытке взять и отломить кусочек оказалось, что хлеб подгнил с разных сторон – это был нехороший знак. Новый знакомый сплюнул на гнилые куски и со злобой разбросал их в разные стороны, не объяснив причин своего поведения. Он сказал только одно: «пустая надежда». Через пару минут глазам вошедших в убежище открылись длинные ниши, идущие вдоль коридора, где располагались лежанки с людьми. Рядом с ними находились запасы на случай, если придется отсиживаться очень долгое время. Здесь были ящики с картофелем, сетки с овощами и другие непонятные продукты. Войдя в один из коридорных проемов, Миларис беглым взглядом окинул семейное убежище. Мужчина, возлежащий на кровати из связанных между собой досок, воскликнул: «не вздумай стащить наши припасы, а то пожалеешь! Я тебя запомнил». Приютившись в уголке на сене, Миларис с Понтием спокойно провели ночь под пристальным взглядом нового знакомого, который расположился относительно их и коридора на стуле. Утром Миларис услышал странный подозрительный звук в одной из комнат. Обнажив свой походный меч, он вошел внутрь и со всего размаху всадил клинок в куль с мукой. Раздался душераздирающий вопль, все вскочили со своих мест и бросились смотреть, что произошло. Миларис вышел с окровавленным мечом, неся на плече небольшого демона, еще живого, который прятался в одном из мешков. Путники решили идти немедленно, невзирая на опасность. Незнакомец сказал, что останется здесь в убежище и присмотрит за ситуацией. Кто он такой был не ясно, но Миларис почувствовал в нем внутреннюю силу. Выйдя из убежища через потайной лаз, компаньоны устремились к порту, всячески укрываясь от шастающих то тут, то там мракобесов, чтобы не спровоцировать неравный бой.

Оставшийся в убежище проводник присел на стул и время, как бы остановилось на долю секунды. Он заснул. Что это было, никто бы не объяснил, но люди, сидевшие в убежище, неожиданно начали вставать, выходить из своих уголков и преображаться. Кто-то выпрямлялся в полный рост, кто-то, наоборот, приседал и начинал коверкать слова. У сидящего же на стуле подбородок и руки начали вытягиваться, скулы утолщаться, а волосы становились длиннее

обычного. Подол плаща у сидящего был откинут, и никто даже не замечал ранее, что там находится какой-то длинный жезл, вроде небольшого шеста. Вдруг неожиданно, как бы случайно, сидящий приоткрыл один глаз, который в темноте коридора отливал синим цветом. Встрепенувшись, он медленно начал подниматься, открывая второй глаз, который на удивление оказался светло-голубым. Плащ спал с его плеч, а в руке остался шест с навершием. В воздухе повисла тишина, никто не тронулся с места, все понимали, что настал их момент. «Вы-ы-ы-ы, пренебрегли-и-и щедростью-ю-ю, отрекли-и-ись от нас», – сказал проводник. После этих слов жезл резко поднялся и испустил мощный пучок света в толпу искореженных монстров. Раздался замогильный вой, и это подземелье в один миг превратилось в настоящий ад: оторванные руки, когти, проломленные черепа. Вокруг атакующего исчадий ада горел воздух, сметая все на своем пути, но демоны давили его количеством. На месте убитого появлялось еще двое до тех пор, пока сила атакующего не начала иссякать. Раздвигая ряды нападавших, приближались три высокие фигуры. Монстры остановились, кастующий заклинания замер, жезл дрожал в руке. «Ты обессилена, сестра. Уничтожила многих наших приспешников, твоих подручных. За что? За то, что ты сама оказалась слаба в выборе цели? Мы это исправим!» Блокировав магический поток, трое в длинных балахонах мгновенно очутились около отступницы, жезл вылетел из руки в сторону. Схватив её под руки и возложив на древнее капище, один из пришедших вырвал из своего тела вживленный амулет и с силой воткнул его в поверженную. Капище запульсировало, зажглись кроваво-красные искорки по краям, тело схваченной ведьмы задрожало в конвульсиях. Один из пришедших обронил: «нельзя, чтобы ведьма бунтовала».

Этого не знали ни Миларис, ни Понтий, продвигаясь дальше, вглубь города. Спустя какое-то время они достигли причала. Здесь было пусто, не было ни демонов, ни легионов. Вдоль причала проходила дорога, ведущая к городским воротам, находящимся со стороны моря. Почти дойдя до середины дороги, чтобы миновать врата, Миларис с Понтием увидели на холме дороги огромного демона. Раздался хрип, и огромное демоническое существо вытащило из большого мешка мерзкую, просто невероятных размеров женщину, ростом с самого демона. Только эта женщина была не человеком, она была очень толстая и дико кричала. Схватив её своей огромной рукой, демон с силой вспорол ей брюхо и вложил туда, на глазах Милариса, какую-то субстанцию, разжав свои пальцы. Женщина неистово закричала, схватилась за живот обеими руками, чтобы он не развалился, сбежала с холма и, расплескиваясь кровью, побежала по дороге, тряся складками жира. Демон молча наблюдал за происходящим с холма, в предвкушении зрелища. Миларис, почувствовав западню, выхватил подаренный меч с рунами и приготовился к нападению. Женщина, крича, бежала прямо на путников. Увидев меч с рунами, она резко свернула в сторону и побежала по краю дороги, минуя путников. Пробежав немного вперед, не достигнув врат, женщину разорвало на части. Демон взревел от злобы и, подняв руку, начал концентрировать сгусток темной энергии, но не смог – мощный удар был произведен по демону со стороны врат. Каменное ядро, выпущенное катапультай, снесло половину его плеча. Удар второй катапульти разорвал тело врага надвое. Лишенные руководства старшего демона мракобесы как с цепи сорвались, и рванулись к месту гибели своего предводителя. Увидев первых демонов, стремящихся к холму, Миларис с Понтием со всех сил побежали к воротам. У старших демонов, погибших насильственной смертью, оставался астральный след, указывающий причину их гибели. Первая пачка мелких демонов, изучив последние составляющие следа, издало непонятный писк, и все мракобесы, оскалась, бросились уничтожать тех, кто посмел убить их хозяина. На открытой местности, расположенной перед воротами гавани, располагались две катапульти, которые обслуживались двумя небольшими отрядами из легионов Брамаса. Миновав городские ворота, Миларис с Понтием продолжили отступление к катапультам. Пытаясь догнать жертв, которых видели глаза первых наступавших мракобесов, полчище демонов, никем не руководимое, наткнулось на стену щитов двух легионов Тродаса. Захлебнувшись кровью своих собратьев, вторая волна демонов была уже более осмотрительна.

Каждый мракобес обладал помимо ног, еще и парой коротких рук, которые для боя были не годны, но для того, чтобы упасть и подбросить вверх другого демона были как нельзя кстати. Второй удар обрушился на легионы не только по фронту, но и сверху. Первые демоны, атакующие с земли, умирали под ударами копий и мечей, вторые, падающие сверху, успевали сделать свое дело. Легионы первый раз имели дело с демонами Мерцающих гор, и потому несли потери. В узком проеме городских врат, вовремя не отреагировав на атаку с воздуха, легионеры не успевали поставить хирд, подняв щиты, поэтому там, где образовывалась брешь, пробирались клыки монстров. Многие покалеченные солдаты, корчились, лежа на земле, не в силах поднять меч – яд монстров парализовывал тела воинов. Миларис, видя такую сумятицу, бросился в самую гущу боя, взяв в руки меч сильмаритов. Обучение в их городе он прошел превосходное, и потому мог показать свое мастерство на поле боя. Но, так само собой получилось, что те знания, которыми владел Миларис, получив их от Тродасского шамана, решили исход битвы. Врываясь в толпу врагов, он ощутил какое-то спокойствие, и почему-то на ум пришел заговор на изменение погоды, который тут же преобразился в боевое заклинание, направленное на меч. В небе раздался страшный грохот, блеснули с десятка два молний, которые цепной энергией поразили врагов. Те монстры, что сыпались сверху, оседали пеплом на головы солдат, те же, что нападали на первую линию щитоносцев, обугливались до неузнаваемости. Таких заклинаний Миларис не знал, а в заговоры на погоду особо не верил. Слияние слов и рун уходило своими корнями в мифы и, как полагал шаман, реального действия не имели.

Брамас стоял в первых рядах, с ног до головы залитый слизью. Кровь демонов была красная, как у людей, но источала отвратительный запах. У многих воинов от испуга тряслись руки – это было потрясением. Как рассказал потом Брамас, вторжение демонов случалось лишь однажды, и то даже его дед толком не помнил слов своего отца, участвовавшего в таких битвах. В легионах, что сражались с демонами, был рядовой лекарь, но его снадобий не хватало, чтобы поставить всех на ноги. Тут-то и понадобилась помощь Понтия. Вернувшись за своим товаром, который, кстати, оказался отменного качества, он приступил к врачеванию. Ближе к вечеру, обмывая с рук кровь, Понтий облегченно вздохнул, со словами: – «ну, благо никто из раненых не умер, пора уходить из проклятого города». Брамас, видя усердие и знания Понтия в травах, предложил ему вступить в армию снабженцем на правах главного лекаря с очень хорошим жалованьем. Понтию было грех отказываться от такого щедрого предложения, и он согласился. Рассказав вкратце Брамасу о своем обучении у Сильмаритов, Миларис указал на то, что грядут времена тяжелые, и пора бы начинать готовить войска в свете последних событий к решающим боям. Откуда будет нанесен удар, никто понятия не имел, но все понимали, что демоны активизировались не просто так, значит, их поддерживает сила более могущественная, чем всем казалось, раз уж мракобесы смогли покинуть территорию Мерцающих гор. Бездна мрака, откуда шли демоны, являлась для них, так сказать, зоной отчуждения. Они не могли ее покидать – таков был закон, поставленный древними богами для разделения границ правления сил мироздания. Кто создал брешь, выпустившую демонов, еще предстояло выяснить.

Шаман Ксаргус был очень озадачен всем происходящим и отдал кое-какие распоряжения своим монахам, чтобы те произвели некоторые разыскания в древних хрониках и выяснили, какие Боги создали разделение миров, как бороться с порождениями бездны и почему исчезли остальные расы. В особенности интересовал вопрос, какая роль в этом отводилась человечеству. Брамас же с новым усердием принялся муштровать лично свои легионы, отправлять на разведку во все окраины Тродаса шпионов. Миларису поручено было собрать новобранцев для подготовки к решающим действиям.

Совет отправил экспедицию к Мерцающим горам, с целью разузнать насколько велика опасность вторжения демонов. Мерцающие горы были названы так, потому что находились как бы во временном разрыве, и потому создавался эффект мерцания, они были одновременно в двух разных мирах, соединяя их тонкой нитью. Все существа были зависимы друг от друга

по своей природе, и демонический мир тоже не стоило сбрасывать со счетов в межмировом пространстве. Добравшись до горных пиков Сандара, было заметно присутствие незнакомой жизни.

Однажды утром, когда заря только заалела, Брамас по своей давней привычке встал, умылся, вышел из дому и обомлел. Он никогда не верил пророчествам, считал это детскими забавами, оттого ему стало не по себе. Он закричал: «Командир, ко мне! Срочно позвать Милариса и шамана!» В небе пылал огненный шар ярким пламенем. Пророчество висело в небе, и не верить в предсказание было не только бессмысленно, но и глупо. Шаман Ксартус на совете возвестил о неминуемом исходе Тродасской армии. Он призвал на совет Милариса и спросил: «недавно ты был в отдаленных землях и обнаружил древние тексты на стенах храма, где говорилось о том, что предначертанное в пророчестве должно сбыться, подтверди мои слова». «Да, Ксартус все сказал верно, – ответил Миларис, – мне было открыто, что древний механизм сферы, хранимый нами, может открыть портал в Закат». Брамасу было поручено собирать легионы и пропитание на недельный переход. Легионы, несмотря на свое явное безделье, узнав о правдивости пророчества и чтя законы своей страны, приготовились к походу. Миларис предупредил, что после того, как сфера будет активирована, нужно без промедления идти в портал, потому что через определенное время сфера сама закроет путь и разрушится. Поэтому место было выбрано отдаленное, чтобы во время разрушения сфера не нанесла ущерба городу. В строй встали даже те, кто был болен или ранен в ходе последних событий. Животных брать не стали, потому что только человек может идти по тропе Заката.

К середине дня на поле была вынесена древняя сфера и закреплена Миларисом в нужном ракурсе. Уже ближе к вечеру войска были построены и готовы к походу. Лица солдат, многократно защищавших свои земли, выражали полнейшее стремление идти на помощь своему вождю, которого никогда не видели. Вера людей была до такой степени сильна, что отпадали все сомнения в верном выборе пути. Миларис, изучивший все рукописи о загадочной сфере, получив наставления от сильмаритов, взял в руки зажженный факел и пошел навстречу Брамасу. «Мы готовы, командир, к походу», – сказал Миларис. Брамас, долго не думая, ответил: «оставить, ты остаешься». «Но, что ты говоришь, я должен идти с вами», – возразил воин. «Поверь, – ответил Брамас, – ты нужен здесь, кто как не ты сможет восполнить ряды ушедших солдат из молодого поколения? Кто в случае нападения сможет умело руководить боем? Я не могу рисковать благополучием жизни наших людей, остающихся здесь». И добавил: «я понимаю, что путь у нас один и возврата нет, но ты будешь опорой нашему народу. Я не верил твоим рассказам о грядущем, оттого твоя миссия важна вдвойне, ты мудр не по годам и знаешь больше, чем я, ты лучший воин из всех, кого я воспитал». На глазах воина дрожали слезы разлуки, и крепко обнявшись, Миларис согласился в этом нелегком для него выборе. Подойдя к сфере, которая не издавала ни единого шума, не искрилась в свете факела, Миларис опустился на колени и, стоя впереди войска, прочитал начертанные письмена на нижней стенке полушария сферы. Опустив под нее горящие угли, заранее взятые с печи, он потянул с боку рычаг. Сфера издала тонкий протяжный визг, как будто заржавевшие пружины испытывали на стойкость свою прочность, хотя никаких пружин там не было, и вспыхнула ярким пламенем, которое, раздуваясь, охватывало ее со всех сторон. Сфера разгоняла огонь по определенному пути своей окружности и, казалось, будто бурный поток огня вот-вот выплеснется наружу и поглотит все живое на своем пути. Разогнавшись до предельной скорости, сфера немного разделилась, и изнутри выплеснулся небывалый луч света, сгенерированного огнем. Этот луч, обогащенный жаром, вспарывал само мироздание, пробивая воздух сквозь границы времен. Через несколько минут луч исчез, сфера продолжала по-прежнему вращаться, но с меньшей скоростью, и все увидели в десяти метрах от сферы, докуда доходил поток огня, туманный путь. Это был портал и, чтобы не тратить времени, Брамас скомандовал: – «вперед!». Легионы, под плач жен и детей, медленно, груженные оружием и припасами, двинулись по сумеречному пути. Те воины, что

ступили на тропу первыми, были уже не видны, портал скрывал от глаз отдаленные предметы. И когда последний воин ступил за грань туманного пути, портал закрылся. Все стояли ошеломленными, кто-то плакал, кто-то смеялся. Но, все понимали, что наступили времена тяжелые. Позабыв своё настоящее, своих детей, жен и отцов, мужи ушли, чтобы умереть в другом месте, вдали от своих близких. Что там их ждало, об этом не говорилось ни в одной летописи. Сфера заскрежетала, и рассыпалась на куски, которые, догорая, уничтожали надежду в сердцах оставшихся. Ушедшие воины в глубине души верили и надеялись, что созданы для чего-то большего, чем просто прожить жизнь. Они жили в сражениях, они проживали жизнь своих дедов и прадедов, которые в веках прославили свои имена.

Разведка, отправленная Брамасом в отдаленные уголки империи, еще не вернулась, и у Милариса оставалась хоть какая-то надежда на то, что он будет не один нести тяжкую ношу обороны своего государства. Были отправлены вести во все деревни о том, что легионы ушли, и что нужно перемещаться ближе к столице. Земля Тродаса замерла, будто оплакивая ушедших, но шаман не мог этого так оставить. Возвестив совету о предстоящем переселении сельчан, он принял несколько важных мер, чтобы упрочить веру народа. Проповеди, проводимые им на центральной площади, поднимали дух народа, зажигая надежду в сердцах людей. Миларис с Понтием, который, кстати, тоже остался в Тродасе по велению Брамаса, принялись за военные дела. Предстояло многое сделать, но еще большее предстояло пережить.

Тем временем, опаленный ярким солнцем, по замшелой старой дороге шел путник. Он не помнил кто он, где находится, где его семья и, вообще, зачем он идет. Кроме небольшой котомки и дорожного посоха, выломанного с прибрежной ивы, у него ничего не было. Куда он шел ему было неизвестно, да и не задумывался он о таких вещах. Желудок сильно урчал, но на пустынной оконечности мерцающих гор совсем не было пищи: звери здесь не водились, а растительность не давала плодов, да и сама была на вкус как прогнивший сыр. Вот тут-то и прибрал к рукам его Тродасский патруль, посланный Брамасом. Жутко напугав беднягу, ему задавали вопросы, на которые он просто не мог ответить. Единственное, что он помнил – это своё имя Таис. Этот незнакомец шел по опасной дороге, едва минуя мракобесов, шныряющих в окрестностях гор, и потому отпускать его никто не собирался. Связав Таиса, небольшой вооруженный отряд направился вдоль окраин заброшенных деревень, от которых остались одни угли. Пробираясь сквозь заросли дурно пахнущей травы, насквозь пропитанной потом небольших демонов, один из разведчиков патруля заметил необычное скопление слизи на пне, некогда срубленного дерева. Пробравшись тихим шагом к неизвестной материи, один из воинов ткнул копьем это нагромождение вони. Тревога оказалась напрасной – это была просто слизь, оставленная жуткой тварью. Слизь потихоньку стекала с пня на землю, и было бы разумным предположить, что эта тварь, сбросившая с себя или оторгнувшая такой большой ком слизи, была где-то рядом. Предположение не заставило себя долго ждать и, действительно, за бугром, вдали от злополучного пня, истекая невероятной злобой, рычало, нет, злобно и остервенело завывало, скребя почву, средней величины существо. Демон был не сродни тем, что встретились легионам Брамаса, и потому в бой решили не вступать, уж больно большие клыки располагались у него в пасти. Отойдя на безопасное расстояние, и отдалившись от Мерцающих гор на добрую лигу, отряд сел перекусить. Все недоверчиво косились на связанного по рукам человека, но ломоть хлеба дали, ибо воины Тродаса славились своим гостеприимством, и накормить страждущего всегда были рады, пусть даже это был враг.

По данным разведки удалось собрать кое-какую важную информацию: демоны далеко не отлучались от родных гор, но ареал обитания у них явно расширился. Демоны не были сильно активны, потому что изучали новую местность. На гористых пустошах не водилось ничего съестного, но монстры, тем не менее, не брезговали и скудной растительностью. Трава в этих местах вырастала высокая, но быстро высыхала на холодном ветру и становилась очень колючей, из-за своей особенности цветения. Мерцающие горы на самом деле не соединяли

мир демонов с этим – они были разрывом, опухолью в обоих мирах, объединяя их между собой тонкой нитью пространственно-временной составляющей. В тот момент, когда Таиса схватили, воины Тродаса возвращались домой, неся на носилках раненого товарища. Носилки были сооружены из двух копий, наспех перетянутых в нескольких местах плащами. Случайно отряд натолкнулся на скрывающихся монстров, сидящих в ложбине. Пришлось вступить в бой, который закончился полным уничтожением врага. Сильно израненное тело солдата сотрясало от судорог – яд, разрушая нервные окончания, раскалывал нервную систему. На скорое возвращение в Тродас рассчитывать не приходилось, оттого все понимали, что своими силами жизнь воину не спасти. Пленнику доверили помогать нести раненого, и на очередном привале Таис предложил солдатам свою помощь. Кстати, Таис, странным образом почувствовал, что его речь изменилась, вроде недавно он говорил как-то по-другому, но как – этого он не мог сказать. Ничего не оставалось, как довериться странному человеку. Ему были переданы все лекарства, которые находились при отряде, но Таис отверг это предложение. Он чувствовал, что может помочь другим способом. Отряд после боя нес в Тродас трофеи убитых монстров, необычных, со странными вмятинами на голове, мягкими как растопленный воск. Таис попросил осмотреть тела убитых демонов и, взяв нож из придорожной сумки одного из солдат, сделал небольшой надрез над левым ухом монстра, чтобы вытащить странный пульсирующий комочек красной крови. Поднеся ком к раненому солдату, он предупредил, что может быть очень больно и, раздавив комочек, кровь медленно потекла с рук пленника в смертельную рану. Неожиданно руки Таиса немного засеребрились тусклым светом, добавляя энергию в кровь монстра, и странная субстанция начала преображаться в причудливую смесь, жадно впитываемую телом раненого бойца. Воин держался из последних сил, мертвая пораженная ткань тела, съедалась этой смесью, и на ее месте возникала тонкая пленка, сквозь которую видны были восстановленные вены и связки. Промучившись в болевых судорогах около получаса, воин отключился, а Таис велел накрыть его теплым тряпьем, и не обращать внимания на бессознательное состояние. Благодарные солдаты находились в недоумении, такое врачевание они видели впервые и посчитали, что встретили на своем пути колдуна, который хотел втереться к ним в доверие. Тело раненого всегда теперь находилось под пристальным присмотром, чтобы не ровен час, он не превратился в жуткое создание, созданное колдуном. После этого, связав Таиса покрепче, чтобы не размахивал зря своими умелыми руками, воины привели его в Тродас к своему командиру. Миларис, представившись, в подробностях расспросил незнакомца. Таис сказал: «я не знаю, как такое получилось, я просто чувствовал, что могу помочь. У меня что-то с памятью, единственное что помню – имя». Находясь в долгих раздумьях, командир не мог понять странной магии, которой был наделен Таис. Оставлять такого человека, или не человека в лагере было безрассудным, но и отпускать не следовало. Пришлось Миларису поверить на слово странному лекарю, взяв его с собой в экспедицию до Скудуара.

Оставив сопровождающих воинов на безопасном расстоянии, Миларис вместе с Таисом отправились вглубь леса. По верным знакам, оставленным Миларису, они быстро добрались до нужного места, где их встретили сильмариты. Миларис в сопровождении лесных воинов отправился ко дворцу Аделии. Пристально взглянув на странного человека, царица призвала чародеев призрачного города. Пятеро сильмаритов окружили Таиса кругом и принялись накладывать чары познания. Аделия, зная ритуал, полностью погрузилась в процесс изучения мыслей. Многое было доступно сильмаритам, но раскрыть природу Таиса было делом не простым. Чародеи создали светящееся кольцо познания, которое нависло над всей их группой, и при попытке войти в отдаленные уголки памяти их руки, манипулирующие магией, судорожно затряслись. Кольцо, созданное магическим воздействием, доступное первородным расам, начало трещать и лопаться. От кольца исходил поток мощной вибрации, оно трескалось в воздухе. К этому ритуалу присоединилась Аделия, чтобы поддержать угасающую силу жрецов, но не смогла сдержать распад кольца. Рассыпавшись над головами чародеев, кольцо

произвело такой страшный откат, что не только чародеи с Аделией повалились на пол, но и предметы помещения. Сплевывая кровью, чародеи корчились на полу, не в силах совладать со своим телом. Аделия же, изнывая от боли, оперлась руками о колонну залы.

Таис не испытал ровным счетом ничего, а Милариса попросили вернуться позже. Через какое-то время Аделия послала за Миларисом и сказала следующее: «Давно я не испытывала такого чувства при откате магии. Это отторжение свойственно было для времен изначальных, когда господствовали еще старейшие расы гномов и эльфов. Мы не смогли увидеть ровным счетом ничего, кто он такой и откуда не ведомо ни ему, ни нам. Несмотря на отторжение, я кое-что смогла рассмотреть в зеркале его души. Он чистая душа, этого не отнять никому. А то, что он потерял память, это не страшно. Время вернет все на свои места. Такой человек пригодится вам в пути, а нам стоит подумать о том, что произошло. Когда-то, во времена минувшие, на континенте появились Мерцающие горы, и как говорили старейшие из рода гномов – это твердыня мироздания. Ни одно живое существо не смело посягать на недра горы. Всё, что порождала гора, уничтожалось гномами в приграничных к горе подземельях, а эльфы отражали натиск демонов на поверхности. Как ты думаешь, почему гномы научили ваших воинов правильно биться и держать хирд? Потому что понимали, что после них останетесь только вы. Несмотря на людскую зависть к сокровищам гномов, таящимся в недрах их царств, люди способны на большее – так считали все расы. И понимали, что исход неизбежен». После этих слов Миларис попрощался с Аделией, и вместе с Таисом их вывели на Скудуарский тракт, где ждали сопровождающие воины Тродаса.

По прибытии в город Таиса освободили, ему было предложено следовать своим путем или выбрать себе занятие по душе. Таис сразу же согласился остаться на правах лекаря, и был зачислен в ряды создаваемой армии. Терять ему было нечего, а прошлого он все равно не помнил. Приходилось приспосабливаться к жизни. Страна без армии переживала трудные времена: узнав об отсутствии солдат, многие хотели поживиться в брошенном царстве. Приходилось собирать все силы, чтобы выстоять перед натиском непрошенных гостей. Таис показывал себя настоящим профессионалом в заживлении ран, и многие воины, искалеченные на поле боя, зачастую через пару месяцев уже вставали в строй. Тем временем активизировались силы Альмерата, и уже не шпионов приходилось отлавливать войскам Милариса, а целые вражеские патрули, которые нарушали границу империи. Причиной мелких вторжений послужила слабая защищенность приграничных областей, в результате чего приходилось периодически отступать перед более сильными армиями противника, чтобы не потерять оставшееся войско.

Глава 2. Орис и Сумеречная зона

Мир Илата был соединен Мерцающими горами с миром Ориса, в котором велась беспощадная борьба между силами божественной сущности и основными легионами демонов. Темные силы нашли способ покорить мир людей, в котором хранился очень древний артефакт мироздания. Но, чтобы попасть в Илат, необходимо было пройти мимо стражей Ориса, которые охраняли мир смертных. Минули эпохи древних рас перворожденных эльфов и гномов, которые учили молодую расу людей. Междоусобицы, возникающие на почве владения священным камнем Илата, приводили к жестоким войнам между древними и почти их истребили. Гномы изначально были ближе к каменной тверди и понимали силу Сильфита. Эльфы же, живущие вдали от камня, не понимали этого и хотели, во что бы то ни стало, завладеть им, чтобы никто не мог контролировать в дальнейшем его мощь, которую они бы обрели, победив гномов. В результате подлого коварства, завладев Сильфитом, эльфы спровоцировали чудовищный катаклизм в горе, породивший сильмаритов. После этого события, всем древним расам был послан зов с мира Ориса, и они покинули мир Илата. Сильмариты были искусственным порождением сущности, и в наказание оставлены на Илате, чтобы осознать всю тяжесть вины. Именно в тот самый миг, когда свершилось рождение новой расы, произошло вторжение в мир людей демонов, вырвавшихся из Мерцающих гор. Все силы были брошены на борьбу с порождениями тьмы, в помощь ангелам были призваны две сильнейшие расы, созданные в былые времена – эльфы и гномы.

Самой первой божественной расой были ангелы. Им дана была власть направлять и оберегать созданные небесным разумом творения. Первыми, кто встретил волну демонов, были именно они. Встав непреодолимым щитом перед силами тьмы, воины света наносили огромный урон, вырывающимся из порталов демонам. Все это продолжалось, пока в мир не был послан из бездны мрака Арзун – один из самых опасных противников, архидемон. Чистые души ангелов не подозревали о его коварстве, когда он предлагал сразиться в честном бою за живую душу. Ангелы соглашались и погибали на сферической астральной арене, создаваемой высшим демоном. Договор для ангельских душ был свят, и потому им приходилось выходить на бой в одиночестве, а для демона, как души нечистой, этот договор не имел значения. Поодиночке разбивая высших архангелов, Арзун продвигал свои войска вглубь Ориса. Основные массивные атаки демонов носили отвлекающий характер, и на смерть посылались бессознательные рабы низшего класса. Так продолжалось, пока на помощь преграждающим путь не пришел архангел Медив. Умело управляя войсками, с яростью круша демонов, отбивая малейшую попытку прорваться сквозь строй ангелов, он повергал в безумство Арзуна. Но, случилось непоправимое: на Илате образовалась новая раса, что дало силу демонам открыть врата прохода еще в одном месте. Не в силах справиться с наступающими тварями, прозвучал призыв к воссоединению древних рас на Орисе.

Ангельские силы понимали, что за многовековое существование люди потеряли дар к путешествию во времени, и сами они спасти себя не могли. Был лишь один шанс победить в битве с демонами – вызвать на бой самого Арзуна. Медив посылал зов, в надежде, что Арзун откликнется и примет вызов. Демон же понимал, что такого боя ему не пережить, и нужно использовать время, чтобы открыть врата полностью для подчинения Ориса и призыва своего хозяина, равного которому среди живых нет.

Новые полчища легионов штурмовали бастионы ангелов Ориса, и не было шанса отразить их атаки, одна волна сменяла другую. Чтобы закрыть один из порталов, с помощью камня телепортации Медив переместил себя в центр демонического рассадника, открытого Арзуном, и произнес жертвенное заклинание. В центре прорыва демонов вспыхнул ярчайший луч света, поразивший адские легионы и закрывший входной портал. Вместе с демонами умирал и архан-

гел, его обездвиженное тело зависло в воздухе, медленно исчезая в свете луча. Это была невообразимая утрата для Ориса. Такого исчезновения не видел никто из ангелов, наверное, даже боги не смогли бы такого припомнить. После самоуничтожения Медива, главой всех ангелов была назначена Светлым советом Армитала, и сразу упрочила свое положение, благодаря умелой тактике и стратегической сноровке, закрепленной в бесчисленных межмировых боях. Она пользовалась всеобщей поддержкой и уважением, потому как полностью подчинила себе демонические вылазки из оставшегося портала. Но, все попытки отомстить за своего главнокомандующего успехом не увенчались, выйти на бой с верховным демоном ей не удалось. Арзун, в свою очередь, готовил сокрушающий план наступления.

В мире Ориса находился промежуточный мир трансформации, где души умерших людей проходили духовное чистилище в облике восставших мертвецов. Из чистилища доступ в мир Ориса и Илата был закрыт, но войти мог только представитель первородной расы. Войти, означало подвергнуть себя смертельной опасности. Каждая душа в этой Сумеречной зоне охраняла свой покой всеми доступными ей средствами, убивая все живое, до чего могла дотянуться. Согласно ангельским знаниям, Сумеречная зона была сродни той, что прошла три мира. Именно в ней хранился древний артефакт, способный помочь Илату и Орису избавиться от вторжения демонов. Армитала снарядила в Сумеречный мир военную экспедицию, состоящую из представителей древних рас, в рядах которой находилось пять гномов, и четыре эльфа мага. Эльфы должны были использовать заклинания исцеляющей магии, в которой будут нуждаться гномы, облаченные в тяжелую броню, способную выдерживать мощные удары врага.

Сводный экспедиционный отряд вошел в Сумеречную зону ранним утром. Для этого региона не было разницы, какое время дня в мире Ориса, здесь господствовали сумерки. Солнце не пробивало завесу этого мира, созданную в далекие времена, которые с трудом мог припомнить даже Медив. Освещая себе путь магическими светильниками, отпугивающими нежить, отряд медленно, соблюдая осторожность, двинулся вглубь зоны. Сумеречная зона представляла собой иной мир, со своими законами и размерами, которые постоянно изменялись. Своеобразным маячком, созданным для определения местоположения артефакта, служил амулет, хранимый ангелами со времен создания мира, который был создан из древнейшего камня. Когда-то этот камень мог порождать себе подобные в больших количествах и находить другие камни, не созданные им, потому как был плоть от плоти составляющей всех миров. Судя по слабому мерцанию амулета, артефакт располагался вдали от границ сумеречной зоны. Идти приходилось по промокнувшей почве, кругом располагались строения, населенные нежитью. Дома были как небольшие, одиноко расположенные, так и многоэтажные. И чем выше был дом, тем сложнее было смертному там находиться, отовсюду могли вылезти мертвецы и разорвать его в клочья. Если неуспокоенный был один, с ним можно было справиться, с трудом, но можно. Если же их было больше, то шанса уцелеть не оставалось – инстинкт убийства прививался этим душам с момента точки невозврата. Души, которые совершили множество преступлений, достигали этой точки, когда не могли возродиться в чистом теле. В сумеречной зоне все было как в мире Илата: те же поля и ложбины, огороды и дома, своеобразный свет солнца, видимый только падшим.

Та душа, которая могла, несмотря на свои злодеяния при жизни, завладеть мертвым неразрушенным телом, только что похороненным, превращалась в ведьму. Это были странные существа, наделенные магией смерти, им давалось знание о своей прошлой жизни. Некоторым ведьмам было даровано видение будущего, но только лишь тем душам, которые стремились не просто завладеть мертвым телом, но познать его. Если новорожденная ведьма не покидала Сумеречную зону, её тело медленно рассыпалось прахом, и оставался только остов скелета, после чего она становилась простой нежитью, не способной к магии смерти. Каждое её новое порождение чувствовало свое предназначение, и потому стремилось покинуть место Сумеречной зоны. Покинув зону, ведьма могла трансформировать свое тело до неузнаваемости, тем

самым, вводя в заблуждение окружающих. Они никому не служили: ни свету, ни тьме, однако искали способ выделиться в мире живых. И, если в прошлой жизни они ничем не могли отличаться, то в этой – либо убивали, либо становились отшельниками. У ведьм не было полового различия, оттого любая ведьма могла принять образ и мужчины, и женщины.

Продвигаться по промозглой земле было неприятно, ноги немели от холода, несмотря на то, что сапоги эльфов и гномов на редкость были крепкими и теплыми. Эльфам часто приходилось патрулировать свои окрестности по ночам, а гномам находиться в холодных казематах пещер – никто не жаловался на чувство холода. Но здесь все было не так, не мерзнуть могла одна нежить и то, потому что там нечему было мерзнуть. Кости мертвецов чувствовали лишь тепло сумеречного солнца, и выходили погреться в дневное время из своих темных мест. Солнце зоны не согревало смертные тела, оттого было такое чувство, что плоть начинает ныть. Пройдя две лиги пути по ориентировочному маршруту, сводный отряд заметил скопление нежити на просторном лесном плато. Глава отряда эльфийка Альмавира послала вперед двух собратьев с целью узнать о безопасном проходе опасного места. Эльфы углубились в лесные недра и спустя час пришли с докладом о том, что происходит рождение новой ведьмы, и скелеты собрались на зрелище. После того, как гигантская призрачная пирамида пробилась насквозь три мира, могилы, похороненных в мире Илата, странным образом появлялись в сумеречной зоне. Если раньше на становление ведьмы отпускались годы, а иногда и сотни лет, то теперь это происходило очень быстро. Отряд придвинулся к краю зарослей, чтобы было лучше видно происходящее. Перед ними открылась странная картина: мертвяки, столпившись над могилой, производили странные пассы своими костяшками. Размахивая пальцами, они как бы призывали новорожденного, а новоиспеченная душа пыталась как можно быстрее освоиться в теле. Но, что-то шло не так: могильный холм вздувался над землей и сразу же оседал, так продолжалось около часа. Мертвые заволновались, хотя волноваться они не могли, как может мертвец волноваться. По их внезапному отходу от могилы стало понятно, что даже мертвые могут испытывать страх. Внезапно могильный холм лопнул, не просел, а именно лопнул: посередине холма образовалась трещина, которая, уширяясь, порождала на свет нечто невообразимое. Из земли, уродливо корячась, вылезало тело, но что-то ему мешало освободиться. С одного края могилы появилась голова и плечи, а с другого конца, что-то непонятным образом вздымало гору могильной земли. Тело издало странный писк, и мертвяки медленно стали к нему подходить. Как только первый скелет оказался у края могилы, тварь, вылезавшая из нее, в ту же секунду схватила скелет за ногу, оторвала её и, раскрошив руками на мелкие куски, проглотила своим ртом. Если бы у скелета были голосовые связки, он бы кричал от страха, но он, судорожно загребая своими костями, пытался уползти как можно дальше от проклятой могилы. Не тут-то было, медленно подтягивая его кости, существо пожирало их с небывалой скоростью, как будто от этого зависела жизнь, но, возможно, так оно и было. Полностью поглотив скелет, существо изогнулось дугой и сделало невероятный толчок ногами. Гора могильной земли разлетелась в стороны, и все увидели, как из могильного проема выплывает ведьма, а на ее спине, приколотое длинным клинком, находится другое тело, бездушно свисая. «Боже мой, – сказала Альмавира, – это двойная могила, на спине ведьмы находится тело ее усопшего мужа». И, действительно, с трудом выбравшись, ведьма, изогнув свою шею в обратном исполнении, подняла голову свисающего на спине тела, и поцеловала его в мертвые зубы. Такого не могла предположить даже Альмавира, видевшая на своем веку не одну ведьму. В мире Илата все было предельно ясно – ведьму, которая вредила, сжигали на костре. Только ведьма могла покидать Сумеречную зону, чтобы переместиться в мир Илата, скелетам этого сделать было просто невозможно. Когда ведьма выходила из зоны, тем самым, разрывая тонкую грань мироздания, мир Ориса, налитанный ярким светом, отторгал ее, как лишнюю пищу из желудка человека, во время рвоты, открывая портал в мир Илата.

Поцеловав покойного мужа, голова ведьмы задергалась, и ее прогнившие глаза, видевшие только солнце Сумеречного мира, устремились на наблюдающую группу эльфов и гномов. Зашипев, нелепо раздвинув пальцы рук, ведьма медленно двинулась навстречу сводному отряду. Бежать не имело смысла, потому как, учуяв один раз, мертвец будет преследовать тебя до конца твоих дней. Но, так как в данный момент никто из отряда не собирался покидать Сумеречную зону, то и иметь на хвосте медленно бредущую ведьму, не окрепшую до конца, с конвоем из скелетов, никто не собирался. Бесплезно было давать залп лучникам, мертвая плоть была нечувствительна к боли, а глаза трупов видели совсем в другой проекции. Альмавира скомандовала: «В круг!», и эльфы, заняв свои позиции, приготовились к сотворению святого удара. Гномы, тем временем, экипировав себя надлежащим образом секирами, опустив забрала на шлемах, ждали команды. В центре эльфийского круга образовался светящийся шар, сыпавший искрами, постоянно пульсирующий, как сердце. Направив этот искрящийся шар в отряд из мертвцов, Альмавира добавила к нему составляющую древней эльфийской магии природы. Сорвавшись с магических жезлов, удерживающих пучок святой энергии, шар медленно поплыл в направлении мертвцов. Дойдя до точки назначения, шар остановился, раздулся, и, осыпая пространство вокруг наступающих мертвцов, взорвался с оглушительным шумом. Кости разметало в разные стороны и души, которые были в заточении мертвой плоти, светло-голубым туманом медленно поднимались над полем. Ведьма проигнорировала этот удар, не нанеся ей совершенно никакого вреда, и ответила мощным ревом, который собрал души павших скелетов, медленно поднимающихся над полем, и ударила замозильной магией. Исторгнутые души летели на круг эльфийских магов, изменяя свой светло-голубой цвет. Долетев до круга, они уже были насыщены злобой Сумеречного мира, приняв кроваво-красный оттенок. Защита, выстроенная магами, лишь немного замедлила удар, но не убавила злобы, с какой души летели терзать плоть. Вгрызаясь в тела эльфов, они рвали нить астральных связей, и эльфы падали без чувств, вдоволь насытившись порочными душами. Альмавира устояла под натиском и дала приказ гномам идти в атаку, бросив им на секиры остатки порочной магии, отразив ее заклинанием с тел упавших сородичей. Новоиспеченная ведьма ожидала всего, но только не удара холодной стали, наполненной мертвой магией. Нападение гномов было сокрушающим, сбита с ног, ее рука была парализована магией духа, разметавшей эльфов. Секиры застревали в плоти ведьмы, обугливались, но не ломались. Отдавая последнюю мертвую магию телу врага, секиры беспомощно рубили плоть. Она размахивала руками, и два гнома уже сбросили с головы помятые шлемы, не выдерживающие ударов, но хорошо защищавшие головы своих хозяев. Альмавира использовала магию природы – древесные корни, ожившие в Сумеречном мире, обхватили ноги ведьмы и притянули к земле. Следующим заклинанием эльфийка выплеснула на ее ноги поток ледяной воды, которая замерзала в ее мощах. Гномы ударили секирами по ногам ведьмы. Одна нога, наполовину отрубленная подвернулась, и ведьма, с огромным грохотом, упала на землю. Встать она уже не смогла, но и сохранить свои секиры гномы были не в состоянии. Соприкоснувшись с замерзшими ногами ведьмы, закаленная в недрах гор сталь раскололась, оставив в руках гномов только длинное древко. Порождение Сумеречного мира пыталось подняться, но Альмавира охладила ее пыл, воткнув между глазниц посох с сотворенным заклинанием забвения. Убить такое отродье не получилось, только остановить. Альмавира могла надеяться, что ведьма не вспомнит о том, что случилось, когда придет в сознание. Нужно было по возвращении сообщить Армитале о том, что произошло. Восстановив силы эльфам и гномам, эльфийка была на грани истощения, и потому было решено не вступать в бой понапрасну, и обходить подобные сборища стороной.

Далее путь пролегал через холмистые гряды с деревенскими постройками. Для чего и кому понадобилось сотворять такой мир для мертвой плоти неведомо, но чувствовался своеобразный миропорядок. Скелеты были разбросаны на открытой местности согласно своим жилищам: некоторые топтались на одном месте, что-то тормоша в земной тверди, другие – шли

вдоль территории своего места обитания. Этот отрезок пути был явно проще остальных, никто на отряд не кидался, ведьм не было. Амулет загорелся ярким светом и задрожал, стало очевидно, что артефакт близко. Перед глазами отряда открылся черный зев пещеры, наполненной разными шумами. Углубившись в пещерные тоннели, отряд разделился на две части по одной на каждый проход. Альмавира предупредила о мертвых лежащих телах, которые будут встречаться на пути. Дух, томимый у поверженного тела, должен был быть отпущен соответствующим заклинанием, чтобы освободиться от приковавшего заклятья. Среди лежащих тел попадались и такие, которым были ненавистны живые существа, тела которых необходимо было уничтожить. Суть этого похода заключалась в том, чтобы освободить нужное количество душ, необходимое для снятия печати с артефакта, охраняемого очень сильным духом. Следуя по проходу, отряды периодически натыкались на оживших мертвецов, что толпились у тел лежащих, и чтобы пробиться к скованному духу, нужно было сначала попотеть в битве с окружающей его нежитью. Освобождаясь, дух подсвечивался красноватым светом, и его призрачное тело как бы воспаряло над мертвым в горизонтальном положении и таяло в воздухе. Исследовав большую часть пещеры, второй отряд обнаружил еще одно ответвление. По основному пути в зоне видимости находилась группа скелетов, но, понадеявшись на удачу, экспедиция пошла новой дорогой и, миновав пару изгибов, они вышли на небольшой квадратный пятючок, где обнаружили заброшенное давным-давно углубление для кострища. Сразу поняв, что они вышли на нужное место, не став ждать вторую группу, начали разводить костер. Альмавира достала амулет, и в свете костра на стенах высветились руны, почти точь-в-точь такие же, какими их видел Миларис. Заранее, до входа в пещеру, были изготовлены деревянные копьа, чтобы уничтожить появляющихся духов. Нельзя было уничтожить только духа-хранителя, иначе все, что задумывалось, сорвется. Предупредив спутников о правильном порядке уничтожения появляющихся призраков, Альмавира произнесла заклинание призыва. Костер мгновенно вспыхнул, но не от поленьев, которые были разожжены спутниками эльфийки, а от зарождающихся синих духов огня, что были в подчинении у саламандр. Саламандры представляли собой духов красного пламени, атакующих любое живое существо, посмеявшее их призвать. Синие духи появлялись по-очереди, сокращая время своего появления с каждым убитым собратом. Деревянные копьа разили беспощадно, нанося смертельные удары в самое сердце души призрака. Никаким другим оружием нельзя было убить саламандру, только деревянным, ибо что призывает, а это горящие поленья, то и убивает. Со временем требовалась невероятная реакция на появление призраков, и даже сама Альмавира подключилась к их избиению. Никто не знал, сколько необходимо убить призраков, чтобы вынудить духа-хранителя появиться в месте призыва. Призраки, выскакивая из огня, медленно угасали, проткнутые копьем, оседа пеплом на каменном полу. Из огня выпрыгнул очередной призрак, ничем не отличающийся от остальных, и Альмавира привычным движением копьа, нанесла ему смертельный удар. Призрак замер. Атака духов прекратилась и все поняли, какую роковую ошибку они совершили. Альмавира ударила духа-хранителя и тот, пристально глядя ей в глаза своими алыми огненными плашками, молниеносно ударил своим огненным телом ей в грудь. Дух исчез, и на спутников Альмавиры её глазами смотрела саламандра-хранитель, это длилось несколько секунд, после чего все прекратилось. Эльфийка повалилась на каменные плиты, сплевывая кровью, без всякой надежды отыскать спрятанный артефакт. Отдышавшись и погасив костер, отряд собрался в обратный путь, как один из гномов, единственный примкнувший к этой группе, заметил в углях костра странный предмет. Альмавира, тяжело дыша, взглянула на угли и увидела артефакт, это был камень тусклого цвета, наполненный такой силой, какой не ведали эльфы со времен создания.

Обратный путь занял куда меньше времени, чем все ожидали, нежить расходилась, почуяв артефакт. Дойдя до места битвы с ведьмой, отряд не обнаружил ее на том месте, где она была оставлена. Вокруг было разбросано огромное количество измельченных костей. Стало

понятно, что ведьма, восстановила свои силы, пожирая ходячие останки. В битве с ней никто не погиб, но эльфов до сих пор шатало от ментального удара, произведенного разъяренными душами. Если бы не магический отражающий щит Альмавиры, эльфы пали бы на поле боя не в силах защитить себя. Миновав злополучное место, через пару часов отряд достиг границ Сумеречной зоны и Ориса. Завеса, преграждающая дорогу нежити, пропустила всех, кроме эльфов, напитанных энергией смерти. Достигнув завесы, эльфийские тела задрожали и пали замертво, истекая кровью. Кровь лилась из глаз и ушей, из всех многочисленных пор на теле. Никто не подозревал, что такое может произойти. Альмавира была в отчаянии, даже она, прожившая не одну тысячу лет, не ведала о такой магии.

Вернувшись в Орис меньшим составом, Альмавира представила всю добытую информацию Армитале и отдала артефакт. «Я скорблю с тобой, сестра, о погибших, мы выясним, что произошло в Сумеречной зоне. Этот артефакт излучает поистине непостижимую энергию, недоступную для моего понимания», – ответила архангел. Рассказав о слиянии саламандры со своим телом, Альмавира упомянула о неверном ударе по духу-хранителю. Армитала не сразу поняла, что камень-артефакт безжизненный, но после упоминания о неверно проведенном ритуале призыва, решила возвратиться в Сумеречную зону, для понимания случившегося. Без артефакта мир Ориса не мог, по сведениям архангела, рассчитывать на победу. Если священный камень был вынесен за пределы Сумеречной зоны даже без надлежащего ритуала, он мог даровать носящему его, способность войти в мир мертвых без препятствий со стороны барьера, разделяющего миры. Поход подготавливался настолько быстро, насколько было возможно: подобрали две когорты в триста шестьдесят эльфов и гномов каждая. Итого получалось семьсот двадцать воинов, включая двух доблестных командиров: Альмавиру и гнома Сольдака. Припасов взяли на три добрых недели пути по бездорожью Сумеречного мира, хотя предстояло справиться с поставленной задачей в неделю определенного на совете срока. Пульсирующий в Сумеречной зоне до того времени артефакт, полностью прекратил излучать энергию защиты.

После сборов, выйдя из главного города ангелов Дольмета, возведенного из древнего лучистого камня, распространенного в мире Ориса, Армитала крепко пристегнула священный камень к грудному доспеху и отдала приказ следовать к вратам Сумеречной зоны. Врата представляли собой призрачную границу, имеющую брешь в мире Ориса, около двух миль в центре пустынной равнины. Достигнув назначенного места, когорты молча входили в сумерки. Ветер бешеным порывом обдал вошедшие отряды, и Армитала, еле устояв на ногах, поняла, что потеряла способность взлетать на своих крыльях. Ангелы могли летать в любом мире, но неверно проведенный Альмавирой ритуал лишил архангела такой возможности. Тяжесть приливалась к ногам, и с течением времени у Армиталы ноги стали уставать, не привыкшие к долгой ходьбе. Делать было нечего, потому приходилось преодолевать трудности и, несмотря на усталость, продолжать поход. Альмавира заметила кое-какие серьезные изменения: воздух стал более легкий, как будто разряжен, и вдаль горизонт горел ярким пламенем, что уже само по себе устрашало: такого не могла припомнить даже Армитала в этом мире, со времен становления всего мироздания, когда она была еще духом невоплощенным.

По левую руку отдвигающихся воинов располагались мертвые моря, которыми в избытке был наполнен Сумеречный мир, населенные утопленниками и злобными нимфами, выброшенными в этот мир богами за ненадобность. Камень тянуло к горящему горизонту, расположенному за мертвым морем. Чтобы пересечь такое расстояние по воде нужно было судно и, выйдя к побережью, глазам открылась бухта мертвых кораблей: одни стояли на приколе в воде, другие – под водой, и лишь верхние палубы своими прогнившими кормами говорили о их безвременной кончине. Сольдак предложил сходить на разведку, но его предложение было отвергнуто Альмавирой: тяжелый гном в броне мигом пойдет на дно в случае атаки нимфы, а Армитала не в состоянии бежать по остовам кораблей из-за отяжелевших от непривычки к долгой ходьбе ног. Если, по словам эльфийки, послать группу, то их тепло будет замечено утопцами, постоянно

шныряющими в уютных затопленных комнатах кораблей, выбранных ими для обитания. Альмавира сняла с себя лишнее походное снаряжение, чтобы легче было передвигаться по тухлявым палубам кораблей и, взобравшись на утес, прыгнула на разбитый корабль. Доски, расколотые временем, затрещали, но выдержали вес эльфийки, быстро соскользнувшей на более крепкий дощатый пол. Перебираясь с корабля на корабль, окидывая взглядом все открывающиеся взгляду пространства затопленных судов, Альмавира искала годное плавучее средство для пересечения моря. Взобравшись на самый верх мачты судна, расположенного посередине корабельного кладбища, в небольшом закутке у самого берега она заметила небольшое дряхлое судно, сутуло раскачивающееся на волнах прибоя. Был большой риск отправляться на таком суденышке в длительное путешествие по беспокойному морю, но выбора не было. Легко ступая по мрачным остовам полусгнивших палуб, Альмавира не выдавала себя ни одним лишним звуком, способным всполошить обитавшую здесь нечисть. Добравшись до намеченной цели, эльфийка подала знак остальным и, расположившись на корме, повела судно к бухте.

Проверив судно на прочность, гномы, боящиеся воды, как огня, наотрез отказались плыть на такой ненадежной посудине. Гул и возмущение гномов сыграли нечисти на руку и утопленники, услышав возгласы, обратили свой взор на собирающихся. Прибрежные воды начали пузыриться, и из воды стали появляться мертвые оскаленные головы утопцев. Медленно шли они по илистому дну, заросшему морской травой, в направлении живых существ. Растительность оставляла на дне толстый слой своей гнилой субстанции, копившейся там сотни лет, и затхлый запах распространялся далеко окрест тех мест. Утопленникам приходилось по пояс идти в этой жуткой жиже. Лица их были одутловаты из-за огромного количества воды, впитанной ими во время смерти и тела, набравши в себя воздуха, поднимались на поверхность, становясь созданиями другого мира.

Гномы выстроили хирд и приготовились к отражению нападения, выставив вперед свои боевые пики. Раздался странный всплеск, больше похожий на тяжелый вздох, и утопленники замерли в ожидании. Из воды медленно появлялась нимфа. Выходя на берег на своих осклизлых ногах, её жабры жадно хватали воздух в надежде уловить хоть малую толику влаги. Далеко на берег эти создания не выходили, чтобы не задохнуться, несмотря на то, что могли некоторое время дышать и воздухом. Окинув впалыми глазницами выстроившихся воинов, она своим ртом резко выплеснула в строй щитоносцев струю едкого яда и, молниеносно оттолкнувшись хвостом от песчаного берега, ушла в глубину. Утопленники как будто сорвались с цепи и с удвоенной энергией полезли на гномьи пики. Удар ядом раскрошил передние щиты гномов и произвел страшные ожоги на руках оборонявшихся. Некоторых корчившихся соратников оттащивали в сторону, прикрывая отход вторым строем воинов. Не имело смысла вступать в бой с нимфой в ее родной стихии. Нимфы сами по себе являлись отпрысками богов и, являясь полубогами, представляли опасного противника, которого не в силах были одолеть армии смертного мира. Но, здесь находились две когорты первородных рас, и им просто необходимо было попасть на корабль. Сотня гномов удерживала утопленников на расстоянии удара копья, кроша их тухлявые водянистые тела мощными выпадами, а остальные разворачивали свои походные мешки, доставая сборные крепчайшие путы, используемые для поимки опасных чудовищ в Сумеречном мире. Сборные сверхлегкие металлические волокна образовали собой огромную сеть, разорвать которую не мог ни один живой организм известный древним расам. Периодически появляясь на поверхности воды, нимфа зорко наблюдала за происходящим, выплевывая в войска противника кислотную струю. Альмавира отдала приказ к отступлению, и шаг за шагом воины отступали, оставляя за собой груды мертвой водянистой плоти, дергающейся в своих последних потугах. Она не могла уже вести дальний бой и ей пришлось выползть на сушу. Полностью уверенная в своем могуществе и, полагаясь на численное превосходство своих приспешников, нимфа проползла добрых пять метров, и тут ловушка захлопнулась. Сеть, расставленная на пружинных подпорках вдоль берега, направленная в сторону воды, сорвалась с натя-

гивающих ее петель и мгновенно опутала водяницу, не давая ей выбраться. Перестав получать ментальные приказы от своей хозяйки, утопленники замешкались, их реакция притупилась, и они стали медленно расползаться по сторонам, охладев к пыли боя. Гномы, не теряя времени, добивали отступающих, которые все еще были опасны и кусались, кидаясь на преследующих. Организованное нападение прекратилось, а тело нимфы истошно визжало, скрепленное металлом древних подгорных мастеров. Ощетинясь копиями и мечами, когорты медленно двинулись к вопящему созданию. Тело нимфы причудливо изогнулось и, вопреки всем ожиданиям, сеть затрещала. Когда до скованного монстра оставалось пару шагов – сеть лопнула. Из сети поднималась голова нимфы, исполосованная запекшимися рубцами засохшей крови, рот криво перекосило от злобы и жажды уничтожения. Прикрывшись щитами, от которых было мало пользы, отряды медленно пятились вспять. Нимфа приготовилась к решающему удару: её жабры раздулись, зоб надулся, собирая в себе всю накопленную кислоту. При таком ударе обороняющихся разметало бы в стороны, и не просто расколело бы щиты, но и расплавало кости. Надувшись для совершения плевка и поставив голову под нужным ей углом, тело водяницы замерло и упало, пораженное точным ударом меча архангела сзади в голову. Её водянистое тело оседало желеобразно, собранная во рту кислота быстро разъедала внутренности и кожные покровы, стекая по пробитому головному отверстию на песок берега. Медлить было нельзя, и отряды эльфов быстро погрузились на ветхое суденышко. Гномы остались на берегу залечивать раны искалеченным собратям, отступив в глухие заросли, подальше от водного пространства.

В Сумеречном мире ветер присутствовал только в море, и потому эльфам не составило труда быстро направить судно в нужном направлении. В мире Илата эльфы были мастерами судоходства, и сейчас им представлялся шанс показать себя в этом деле, достигнув дальних берегов в кратчайший срок. Ветер обдувал мачту корабля, небольшой бриз веял со стороны пылающего заката теплым дуновением, и у Альмавиры появилось дурное предчувствие, что они встретят там что-то уже знакомое, чего видеть ей не хотелось бы. Пока паруса, гонимые ветром, раздувались на фоне морских волн, эльфы готовили свое боевое снаряжение: одевали магические плащи, предназначенные для активных боевых заклинаний, точили свои мечи, исписанные загадочными рунами, и всячески старались как можно крепче закрепить на своем теле под плащами съемный легкий доспех.

Пять дней в пути были тихими, никто не тревожил плывущих своими визитами: ни утопленники, ни нимфы. Казалось, будто весь мир замер в ожидании грядущего. На пятый день корабль пришвартовали в небольшой бухте, расположенной в тенистом месте, закрытом от посторонних глаз возвышающимися скалами. Сойдя на берег, все почувствовали что-то неладное: самочувствие странным образом изменилось, сердца натужно бились внутри грудной клетки и чувствовался голод. Было решено немного передохнуть, собраться с силами и подкрепиться. Достав провизию из заплечных мешков, эльфы принялись её жевать, но не тут-то было: трупный запах исходил от пищи, приготовленной из непортящихся продуктов. Это место, казалось, старалось превратить в гниль все, что здесь появлялось. Гонимые голодом, эльфы не могли продолжать путь в усиленном темпе, пришлось обыскивать ближайшие поселения, чтобы найти сколько-нибудь годной к употреблению пищи: корешков или ягод. Пошли от обратного: если нормальная пища не была пригодна для еды, значит следовало искать непригодную для еды пищу, в надежде, что ее можно будет использовать по назначению без вреда для здоровья. Отряды медленным шагом шли в направлении горящего заката и в отдалении увидели небольшое село, где во множестве располагались бесхозные амбары, закрытые деревянными засовами. Понадеявшись на то, что в амбарах есть провиант, эльфы открыли ворота одного из них. Глазам предстало страшное зрелище: в амбаре спина-к-спине висели повешенные, ступни ног были вытянуты носками к земле, руки беспомощно опущены вдоль тела. Под висящими трупами валялись корзины с просыпанным зерном, с виду съедобным, в углу стояла кадка с плодами. Изголодавшиеся воины с Альмавирой решили попытать надежду и добыть

хоть немного пищи. Заходить в амбар было опасно, поэтому решили закинуть туда веревку с крюком на конце, чтобы достать корзину, и все что не вывалится из нее использовать в пищу. Бросок сделали удачный и корзина, зацепившись за крюк, медленно поволоклась к выходу из амбара. Так было сделано три удачных броска, после чего эльф, раскручивавший крюк, заметил, что один из повешенных за ними наблюдает. Крюк выпал из рук, и эльф попятился, схватившись за оружие. Висящий труп пошевелился, как в постели и, подтянувшись на своих заплесневелых руках, снял себя с зацепа и спрыгнул. Остальные висевшие последовали его примеру и направились к выходу из амбара, скручивая свои висельные веревки как оружие. Мертвенный оскал не предвещал ничего хорошего и эльфы, руководимые Альмавиной, выпустили по доброй дюжине стрел в ходячих мертвяков. Результата не заметили, только сильнее разозлили восставших, которые с остервенением бросились на отступающих. В беге эльфам не было равных, оттого догнать покойнику эльфа – это было сродни фантастики, но и оставлять разъяренные тела вне своих захоронений, точнее сказать домов, не следовало. Остальные амбары тоже выказали явные признаки жизни, и ворота амбаров стали постепенно одни за другими открываться, являя миру орды повешенной нежити. Эльфы понимали, что нужно отступать в заросли камыша, что у глухого болота, расположенного рядом с амбарами. Дойдя до болота, повешенные опустили себя на колени, и их поиск эльфов пошел шустрее. Альмавира зажгла камыш, а эльфы пошли против ветра, покидая опасную зону пожара. Быстрыми перебежками эльфы добрались до отдаленной деревни, укрываясь в заброшенном доме, с виду выглядевшем на удивление добротным. Пожар распространялся с большой скоростью и, раздуваемый ветром, сжигал всё на своем пути. На удивление всему виденному, повешенные ярко горели и некоторые даже падали, не в состоянии поднять свое тело с выжженными связками, но остальные, у кого телесные связки не прогорели, продолжали свое шествие. Первородные затихли, и даже не слышно было как они дышат, а магический символ, воткнутый ими в землю, давал обманчивое представление о наличии мертвой плоти в радиусе укрытия.

Внимание одного из повешенных что-то привлекло в том доме, где прятались эльфы, и он пополз вдоль дома, выбирая место лазейки. Взобравшись на крышу этого жилища, окруженного многочисленными пристройками, повешенный начал отрывать доски крыши и, оторвав очередную доску, заметил прячущегося эльфа. Приготовившись к прыжку, растопырив ноги, прижав туловище к крыше и открыв свой страшный рот, повешенный прыгнул, но, расчлененный длинной косой, упал к ногам эльфа. Раздался душераздирающий крик седовласого мужика в балахоне, стоящего с огромной косой: «что это вы тут без дела прячетесь?! А ну быстро берите в руки косы и на поле! Сенокос нынче на носу! Или проваливайтесь отсюда, мне тунейдцы не нужны! Я эту сорную траву в амбаре три месяца собирал по могильным оврагам!» С этими словами мужик взмахнул косой и кинулся на вылезавших из сгоревших камышей, обугленных, но все еще движущихся трупов. Свое дело мужик знал: умелым движением рук он подсекал рвавшиеся к нему мертвые пальцы и, разрубая тела на части, с добрыми криками продвигался все дальше и дальше. Все смотрели на его сенокос не отрывая глаз, пока он не скрылся из виду. Как смертный оказался в Сумеречном мире и при чем тут коса с сенокосом, осталось тайной.

Эльфы, стащив с амбара припасы, приготовили себе еды, которая на удивление оказалась весьма вкусной, и пошли дальше. Дойдя до границ жутких поселений, в которые решено было больше не заглядывать, отряды увидели огромный извергающийся вулкан, огненные раскаты которого покрывали все небо. Медальон тянуло в недра вулкана, но уничтожить реликвию было глупо, так же, как и хранить ее бесполезной. Путь к основанию вулкана был не из легких: жаркий, пропитанный гарью воздух, не давал возможности нормально дышать, глаза приходилось периодически прикрывать полами плащей и прищуривать, защищая их от летящей выжигающей пыли. У основания вулкана был обнаружен вход в пещеру, ведущую к жерлу. Войдя внутрь, перед эльфами открылись необозримые ужасные красоты внутреннего пространства:

лава стекала по обеим сторонам дороги, ведущей в главную залу. То, что пещера представляла собой древнее ритуальное капище, было известно из надписей, выгравированных в камне над входом. Клазомен начал дрожать в кожаном подсумке Армиталы, как будто рвался к той энергии, которая была ему мила. В открывшейся огромной зале располагался древний горн, который светился темным пламенем. Рядом с ним располагалась на ужас всем ведьма с трупом мужа на спине, прикованного длинным ножом. Нельзя было сказать, что с прошлой встречи она ничуть не изменилась: тело ее окрепло, труп уже не так вяло свисал на спине, а можно сказать даже приободрился, если можно так говорить про усопших. Сила чувствовалась в этом существе неодолимая. Все понимали, что цель – это каменный рог, и воспользоваться им можно будет только в одном случае, если позволит ведьма. Первый урок эльфы получили, второго ждать было поздно. Любой расклад выльется в жестокую расправу над посягнувшей бессмертной расой. Ведьма возилась возле древнего капища, не обращая своего внимания на огромный рог, находящийся рядом.

Все сожалели, что оставили гномов, боящихся воды, в тылу, но делать было нечего, от этого похода зависело многое. Ведьма, почуяв приближение эльфов, медленно поворачивалась, с трудом выдерживая тяжесть любимого трупа на спине, или это так казалось. Взгляд ее заскользил по эльфийским силуэтам, медленно выискивая слабые места в их защите, созданной магическими жезлами. Купол, укрывавший пришедших, отливал светло-голубым оттенком, что заставило бы ведьму шипеть и содрогаться при виде столь изощренной защиты, поставленной перед ней. Но, она была не проста, и даже Армитала, выдавшая на своем веку немало таких отродий, ссутулилась от напорающей на нее противоестественной мощи, подкрепленной магией изначальной смерти. На каменных плитах пола, на которых располагалась ведьма, лежал трухлявый плащ, весь изъеденный временем, изношенный до такой степени, что одевать его было бы сущим безрассудством. Ведьма медленно склонялась, и видно было, что труп совсем не тяготит её, наоборот, даже невооруженным глазом было заметно, как это разложившееся создание пытается шевелить своими костяшками пальцев, усиленно стараясь чем-то помочь своей госпоже. Согнувшись над плитами, ведьма взяла полы плаща и, приподняв его, встряхнула. В следующее мгновение от плаща взметнулся туман, быстро покрывая защитный купол эльфов и скрывая ведьму серыми сполохами, расходящимися от плаща. Эльфы, прикрываясь магической завесой, полностью сконцентрировались на её удержании во время атаки ведьмы, но они просчитались. Туман, достигнув возведенной защиты, начал деформироваться в кровавые сгустки, концентрирующиеся сверху купола и медленно стекающие вниз. Купол начал трещать по всему периметру, сгустки, разъедая его своей трупной кислотой, смешанной с магией ведьмы, впитывались в структуру поставленной защитной завесы. Эльфы еле стояли на ногах, не в силах шелохнуться, рассыпающийся купол отбирал остатки сил, рассчитанных ранее на полноценную атаку. Сфокусировать удар было невозможно не только оттого, что противник был вне зоны видимости, но и потому, что сил уже не оставалось, только бы удержать купол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.